

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

НИК ПЕРУМОВ

НЕ ВРЕМЯ
ДЛЯ ДРАКОНОВ

Ник Перумов

Не время для драконов

«Издательство АСТ»

1997

Перумов Н.

Не время для драконов / Н. Перумов — «Издательство АСТ»,
1997

ISBN 978-5-17-006623-0

В этом мире солнце желто, как глаз дракона – огнедышащего дракона с узкими желтыми зрачками, – трава зелена, а вода прозрачна. Там тянутся к голубому небу замки из камня и здания из бетона, там живут гномы, эльфы и люди, там безраздельно владствует Магия... Пробил роковой час – и Серединный Мир призвал человека с Изнанки. В смертельных схватках с сильнейшими магами четырех стихий он должен пройти посвящение, овладеть Силой и исполнить свое предназначение...

ISBN 978-5-17-006623-0

© Перумов Н., 1997
© Издательство АСТ, 1997

Содержание

Нymn of Apollo	5
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Сергей Лукьяненко, Ник Перумов

Не время для драконов

Hymn of Apollo

The sleepless Hours who watch me as I lie,
Curtained with star-inwoven tapestries
From the broad moonlight of the sky,
Fanning the busy dreams from my dim eyes, —
Waken me when there Mother, the grey Dawn,
Tells them that dreams and that the Moon is gone.

Бессонные Часы, когда я предан сну,
Под звездным пологом ко мне свой лик склоняют.
Скрывая от меня широкую луну,
От сонных глаз моих виденья отгоняют, —
Когда ж их мать, заря, им скажет:
«Кончен сон, Луна и сны ушли», — я ими пробужден.

*Перси Биши Шелли. Гимн Аполлона, 1,1–6, перевод К. Д.
Бальмонта*

Пролог

Есть миры, где солнце зелено, а песок черен. Есть – где горы из звонкого хрусталя, а реки несут чистое золото быстрой воды. Есть такие, где снег – цвета крови, а сама кровь, напротив, белее белого. Есть миры, где замки еще не уступили место громадам серых многоэтажных игл, и есть такие, где эти иглы давно заброшены, а на их руинах воздвигаются стены замков.

Есть миры, где рассвет встречает слитное хлопанье мириад крыл существ, парящих высоко над землей, где торжественный гимн восходящему светилу сливается с воплями умирающей на презренной земле бескрылой сыти. Есть миры, где солнечный свет встречает лишь глухую стену закрытых ставен – ибо он там горше яда.

Но речь не о них.

Есть миры, где ночь и день слились неразрывно. Где можно поднять взгляд к солнцу и увидеть звезды. Где можно выйти в ночь и увидеть солнечный свет.

Речь не о них.

Есть миры, где солнце желто, как зрачок дракона, трава зелена, а вода прозрачна. Там тянутся к голубому небу замки из камня и здания из бетона, там рвутся в небо птицы, а люди улыбаются друг другу.

В путь.

Глава 1

Погас свет.

Когда мелкие неприятности преследуют тебя постоянно, это уже не мелкие неприятности, а одна Большая Неприятная Система. Именно Система, с большой буквы. А теория учит, что ни одна по-настоящему Большая Система не может не иметь под собой по-настоящему Глобальной Причины. Глобальная же Причина – это такая вещь, пренебречь которой можно только один раз.

Виктор на ощупь пробирался к двери, где таился вмурованный в стену, точно сейф, распределительный щиток. Мебель, похоже, решила воспользоваться случаем и слегка прогуляться по квартире, появляясь в самых неожиданных местах. Один оказавшийся на дороге стул он обманул, засада не удалась, зато второй радостно ткнулся ему в ноги. Потирая на ходу ушибленную коленку, Виктор осторожно протянул к нему руку – и тут зазвонил телефон. Даже не зазвонил, а мерзко и ехидно заорал, подпрыгивая от усердия. Так звонят, наверное, когда случился пожар или кто-то умер. Звонки шли частые и отрывистые, вроде бы межгород, а это значит и вправду что-то случилось. Мама позвонила бы лишь в том случае, если на их Богом забытый городишко обрушилась стая огнедышащих драконов.

Огнедышащих драконов с узкими желтыми зрачками...

Виктор помотал головой, отгоняя вдруг привидевшуюся чушь, и прыжками рванул к аппарату, опрокинув по пути стул.

Вероятно, тот же самый, но злокозненно вернувшийся на прежнее место.

Рывком сорвал трубку.

В трубке молчали. Только доносилось очень-очень медленное хрипловатое дыхание.

– Алло? Алло, мама, ты?!

Он уже знал, что это не мама. Но признаваться себе в этом упрямо не хотел.

В трубке размеренно дышали. С присвистом, точно втягивая воздух сквозь неплотно сжатые (острые-острые!) зубы.

– Алло... – повторил Виктор. Устало и покорно, удерживаясь на самой грани телефонной вежливости, рано или поздно превращающейся в поток отборной ругани, от которой через минуту самому становится неловко.

– Не выс-с-совывайся... – шепнула трубка. Протяжно, через силу, словно неведомый собеседник хотел сказать что-то куда более обидное, но тоже нашел в себе силы сдержаться. – Живи... тихо... живи... пока...

Прижимая к уху забибикавшую трубку, Виктор стоял, глядя в просвет между шторами. В просвете была ночь, темнота, слабая жиденькая белизна фонарей с соседней улицы. Нет, люди стали людьми не тогда, когда придумали керосиновые лампы и электричество. Вначале они придумали темноту – такую непроглядную, что природе и не снилась.

– Уроды, – сказал Виктор. – Козлы.

Хотелось сказать что-нибудь позлее и покрепче. Вот только ругаться одному в пустой и темной квартире так же глупо, как поэту декламировать в одиночестве только что сочиненные стихи.

– Идиоты, – добавил Виктор, бросая трубку на рычаг.

Теперь он пробирался к щитку куда медленнее и осторожнее, чем раньше. Спешить не хотелось. Да и некуда было спешить. Выбило пробки в старой квартире, эка невидаль. Позволил пьяный дурак или обкурившийся сопляк. Со всяким бывает.

Но почему так часто? А?

Большая Неприятная Система. Мама, наверное, сказала бы, что кто-то его сглазил. Но нельзя же быть таким суеверным!

– Пробки, пробочки, – успокоительно сказал Виктор, опершись одной рукой о стену, а другой шаря в поисках распределительного щитка. – Сейчас кнопку нажмем...

Он нащупал что-то холодное, неровное, стал водить пальцем, соображая, на что же напорлся. Виток, другой...

Электропатрон. Пустой. Пробка даже не отключилась, она попросту исчезла.

Руки не удивились, в отличие от сознания. Они, эти руки, медленно, чтобы ненароком не дернуло, отползли от патрона и спокойно приоткрыли входную дверь.

На лестнице, как ни в чем не бывало, горел свет. На полу у самого порога валялась пробка. Вывалилась, значит. Выкрутилась. Случайно. Сама. Бывает?

Нет.

Поражаясь собственной невозмутимости, Виктор поднял пробку. Аккуратно вкрутил на место. Вжал кнопку.

Послушно вспыхнул свет, загомосил телевизор, натужно вздохнул старенький холодильник.

Очередная неприятность. В одном ряду с прорвавшейся трубой, взорвавшимся кинескопом, забившейся канализацией и тому подобным. Чуть поэкзотичнее, правда. Хотя... есть в психиатрии специальный термин для таких «необъяснимых» ситуаций, когда человек абсолютно уверен, что сделал что-то, а на самом деле – нет. Ну, скажем, отвлекся, когда вкручивал эту самую пробку. Вчера, когда ее в последний раз выбивало. Да, вот только почему свет горел? Электрончики тоже поверили в то, что пробка вкручена?

Дверь закрыть надо...

Он потянул ее на себя... и тут в край створки, возле самого низа, вцепились чьи-то тонкие, испачканные кровью пальцы. Вернее, пальчики. Длинные ногти блеснули золотом – яркий, праздничный лак, неуместный, но красивый рядом со свежей кровью.

Наверное, надо было испугаться.

То ли въевшиеся профессиональные навыки, то ли тот злой, еще не прошедший запал, но Виктор не почувствовал страха. Так же медленно и бережно, как минуту назад, вынимая пальцы из оголенного, ждущего электропатрона, стал приоткрывать дверь. Когда окровавленная рука соскользнула – осторожно протиснулся в щель.

Она лежала на резиновом коврике, прижав колени к груди.

Девочка-подросток. Девочка лет тринадцати или, может быть, чуть старше. Рыжая. Волосы недлинные, растрепанные. В черных зауженных брючках и распоротом сбоку темном свитерке.

«Потеряла много крови», – мелькнула первая мысль. Тонкое, высокоскулое, белое-белое лицо. Не мертвенное, даже не бледное – именно белое.

Прежде чем нагнуться к девочке, Виктор все же окинул взглядом лестничную клетку. Не было на ней никого, и не слышно было ни звука.словно весь подъезд вымер давным-давно, а истекающая кровью девочка под его дверью появилась из ниоткуда.

Девочка еле слышно застонала.

Он подхватил легонькое тело, машинально отметив, что крови под дверь натекло не так уж и много. Но бледность такая – она-то откуда? И кровавых следов нет, и площадка чистая. Раненая словно с потолка свалилась на его коврик.

Все так же бочком, словно боясь раскрыть дверь шире, он протиснулся обратно в квартиру. Телевизор из комнаты бормотал что-то свое, вечно веселое и успокоительное.

– Больно? – спросил Виктор. Даже не ожидая ответа, просто надо было что-то говорить, пока он нес девочку из прихожей в комнату, укладывал на диван... дьявол с ней, с вытертой светлой обивкой, мгновенно покрывшейся бурыми пятнами. – Сейчас...

Вначале вызвать «скорую». Он не питал лишних иллюзий по поводу оперативности своих коллег, но, значит, тем более это надо сделать в первую очередь. Потом – перевязать девочку. И закрыть дверь!

– Не надо, – неожиданно громко сказала девочка. – Никуда не звони... Виктор.

Он даже не остановился, даже не удивился тому, что девочка знает его имя. Сегодня такая ночь, когда не стоит ничему удивляться. Виктор протянул руку к телефону, сорвал трубку.

И выронил – из микрофона вывернулся, расплываясь в воздухе, клуб вонючего черного дыма.

– Не звони! – повторила девочка.

Собирались медленно – в час Серого Пса, самое унылое время ночи. Час, когда все заранее определено, неизменно и известно наперед. В такое время лучше всего собраться беззаботным кругом старых друзей, развести костерок пожарче, откупорить старое доброе «Aetanne», достать выдавшую виды гитару, да спеть что-то вроде «Эх, по камню, по черному камню, где не чуешь земли ты корней...», а потом, после грустного – что-то донельзя веселое, может, даже фривольное, если нет в компании дам.

Но делать нечего. Час Серого Пса – и скользкие тени крадутся по самому краю ночи, такой темной, что слепой станет проворнее зрячего. Под плащами не видно мечей. То, ради чего они собираются, потребует иного оружия. Не для ритуальных дуэлей с себе подобными. От того, чем кончится эта встреча, зависит многое. И пусть не все из идущих знают размеры опасности, никого не приходится торопить. Медленно расступаются деревья, редет лес, столетие назад изрядно покалеченный топорами дровосеков. Когда-то здесь тянулись дороги, стояли дома. Но время ничего не щадит. Неумолимое время, с которым никому не хочется соглашаться. Даже молодые деревца, что так любят пепелища, успели вырасти и одряхлеть. Даже камни фундаментов рассыпаются ныне в прах под корнями трав...

Дорога в час Серого Пса опасна, но не так, как в иные часы ночи. Бродят Неупокоенные, высоко в аэре кружат Летящие; из-под лесных завес смотрят голодные алчные глаза тех, кто так и не смог преодолеть векового страха и выйти из чащобы. Их следует остерегаться, но не более. Бояться стоит иных, когда-то бывших друзьями и соратниками. Они, пришедшие с родных берегов, – здесь самые лютые враги. Забыт давно тот миг, когда они стояли рядом, не сжимая рукояти мечей, забыт и проклят.

Наверное, навсегда...

На разоренной земле, где бессчетные разы сшибались закованные в броню армии, среди иссеченного, измочаленного леска, где каждое дерево истыкано стрелами, на крутой скале, взлетевшей над озером, стоял замок. Вернее, то, что от него осталось.

...Привратные башни обрушивали не пушками и не таранами, те остановились на дальних подступах, завязнув в липких мхах и упав в тайные ямы, – стенобитным заклятием. Остались лишь фундаменты да груды битого камня, обильно припорошенного серой пылью, – магия раздробила гранитные глыбы. Земляные ежи затянули, заткали резаную рану рва, оставленную грубыми заступами.

Приветствовали друг друга молча – этикета и положенных фраз для подобных встреч еще не придумали. Тронный зал был разрушен сильнее всех помещений, когда-то тут отшумела самая отчаянная, последняя битва оборонявшихся и нападавших. До сих пор остатки стен хранили следы наложенной строителями волшбы, последнее, что удерживало их от падения. Единственная уцелевшая винтовая лестница вела в зал, подобно птичьему гнезду прилепившийся к остаткам стены на высоте двадцати человеческих ростов.

Здесь не стоило шутить с магией. Особенно – с боевой.

Потому и встретились тут.

Те, кто пришли первыми, встали у основания разрушенной стены, добровольно соглашались, что их силуэты будут легкими мишенями. Знак доверия и мира. Но сколько раз уже эти знаки оборачивались ловушкой, усыплением бдительности, подлым расчетом...

И все-таки это был знак мира.

– Нам надо о многом поговорить, – начал высокий, закутанный в плащ мужчина, вожак пришедших первыми.

– В час Серого Пса? – с иронией отозвались из темноты, где едва угадывались коренастые фигуры припоздавших. Всем известно было, что произнесенное в этот час не стоит принимать слишком уж серьезно.

– В следующий час для нас нет правды, – невозмутимо ответил вожак. – Час Просыпающейся Воды – не наше время. И уж тем более – не ваше. Не стоит тянуть.

– Мы слушаем тебя, Ритор, – согласился незримый собеседник. Словно признал, что не стоит играть словами. – Путь был долог, не зря же мы шли?

Ритор оставил вопрос без ответа. Он так и не смог опознать отвечавшего ему. И это тревожило. Обернувшись, он окинул быстрым взглядом своих товарищей.

Четверо, как и договорено. Братья Клатт, слабые маги, но великолепные бойцы. На них ложилась вся тяжесть охраны в такие часы, когда слабела магия воздуха. Шатти, нестарый еще, но опытный чародей, подобно Ритору, маг первой ступени. Даже сейчас, во время Серого Пса, ненавистное всякой магии, от него исходило едва ощутимое дыхание Силы. По правую руку от Ритора стоял Таниэль, его племянник. Паренек, в свои шестнадцать лет уже заслуживший прозвище Любимец Ветра. Будущая надежда клана Воздуха.

Какое-то предчувствие, неясное и совершенно необоснованное – нет истинных предчувствий в час, когда вся магия мира спит, холодком обдало Ритора. Не стоило брать с собой мальчика! Пусть даже должен, согласно всем обычаям, присутствовать на переговорах кто-то, еще не ставший мужчиной, способный смотреть и слушать со всем присущим юности жаром – все равно.

Он не должен был брать с собой Таниэля!

– Что ты хотел сказать, Ритор? – повторил предводитель собеседников. Странно, он словно был не против заминки...

Ритор встряхнулся.

Предчувствия – чушь. Клан Огня никогда не был их врагом. А сейчас, на переломе ночи, они одинаково слабы – это любого удержит от предательства.

– Война близка, – сказал Ритор. Сказал – словно ринулся в холодный воздушный поток, берущий начало над горными ледниками. Поверит ли кто его словам? Люди клана Огня были первыми, кому он это говорил.

Фигуры у противоположной стены молчали. Застыли в тяжелой неподвижности длинные плащи.

– Война близка, – повторил Ритор. – А в кланах, как всегда, нет единства.

– Мы знаем, – прошелестело в ответ. – Но знаем и то, что единства – настоящего единства не было никогда.

– После войны... – начал Ритор.

– Эти времена давно прошли, – жестко ответил собеседник. Лица его Ритор по-прежнему не видел. Ни обычным зрением, ни тем более бессильным сейчас магическим. – После войны – да. Но потом... Глупо рассчитывать, Ритор, что без общего врага кланы не начнут считаться обидами. Странно слышать такое от тебя, мудрого.

Ритор вздохнул, провел рукой по лбу, не давая укорениться раздражению. Клан Огня славился своим упрямством. Ничего иного он, Ритор, ожидать и не мог.

– Хорошо, – сказал он. – Хорошо. Оставим единство. Пока оставим. Я только хочу сказать, что Прирожденные ничего не забыли и не простили.

– Ты можешь доказать свои слова? Но почему ты тогда настаивал на тайной встрече, почему не созвал всех имеющих Силу?

Лба Ритора коснулась холодная струйка страха. Клан Огня должен был понимать... Хотя они всегда отличались непредсказуемостью, как и питающая их силой своевольная стихия.

– Потому что на Большом Сборе все неминуемо закончится столь же большой сварой, – желчно ответил Ритор. Почему он должен объяснять и без того всем понятные вещи? – Что же до доказательств... Они, Прирожденные, – они все помнят! – Ритор сам поразился отчаянию, прорезавшемуся в его голосе. – Я знаю... все дети Воздуха знают! Южный ветер с Горячего Моря шепчет о кораблях, ждущих у Разлома, приносит запахи кующейся стали и варящихся зелий! А ветер севера набирается сил, чтобы раздуть пламя над нашими городами! Птицы улетают на запад раньше срока, стервятники потянулись из восточных пустынь – они ждут поживы. Прирожденные собирают войско!

– В первый ли раз, Ритор? Они уже пробовали. И сразу после великой войны, и семь лет назад. Что осталось от их армий, Ритор? Помнят ли твои ветра предсмертные крики Прирожденных?

Не было в голосе говорящего никаких сомнений. Не было и страха. В пробуждающемся утреннем свете закутанные в темно-оранжевые плащи фигуры застыли мрачными непреклонными изваяниями. Ритор почувствовал безнадежность.

– После войны мы еще были едины, – прошептал он. – А семь лет назад... да разве десяток кораблей это армия? Разведка, проба сил... Мы собрали все доказательства, какие могли. Теперь нужна ваша помощь, Огненные. Ветры многое видят... но только Огонь может сказать, что именно варится в поставленных на него котлах.

– Понятно, – ответили из темноты. – Но рассуди сам, мудрый Ритор, – дважды Прирожденные пытались покончить с нами. Дважды. С разными силами, разными средствами. Оба раза мы справились сами. Но... Нам понятна твоя тревога. Однако – разве не ты сам лишил нас защитника? Никто не скажет, что он – средоточие добра и справедливости, но Прирожденные вздрагивали при одном звуке его имени! Разве не ты пресек этот род?

Ритор опустил голову. Предводитель Огненных сказал правду. Чистую правду. Мельком Ритор успел заметить округлившиеся глаза Таниэля. Бедный мальчик... хотя почему бедный, война на пороге, пришла пора становиться мужчиной.

– Ты пресек этот род... – мягко продолжал собеседник. – Едва ли это можно назвать мудрым решением, не так ли, Ритор?

Было в этих словах нечто, заставившее Ритора вновь насторожиться. И опять – он не смог определить, что же его встревожило. Клан Огня всегда считался союзником... или по крайней мере он не считался противником. Что уже много.

– Ты не смог собрать достаточно сведений, чтобы убедить Большой Сбор, не так ли, мудрый Ритор? И теперь ты просишь, чтобы сыновья Огненных сделали недоступное сынам Ветра? Ты, убивший последнего из рода, чье прозвание зарекся произносить? Навлекший на нас беду?

Упреки били, словно острый водяной кнут. Ритор опустил голову. Да, Таниэль, да. Когда-то я, Ритор, покончил с величайшим проклятием нашего мира. И одновременно – с его величайшей защитой. Так бывает почти всегда, мой мальчик. Ничто не может иметь слишком много силы.

– К чему твои слова, Огненный? – Ритор поднял голову, сжал кулаки. – Сделанного не воротить.

– Как знать? – загадочно отозвались из темноты. – Как знать, мудрый Ритор... убивший последнего из тех, чье имя проклято?.. Но, значит, ты считаешь, что войны не избежать?

– Да, – твердо ответил Ритор. Он вновь обретал почву под ногами... или воздушный поток под крыльями, как угодно. – Война близка. Она неизбежна. И если кланы вновь не станут едины, как когда-то...

– А что ты хочешь делать с едиными кланами? – последовал ехидный вопрос. – Если Прирожденные и впрямь сойдут с орлиноголовых кораблей, мы объединимся и так. Что же ты хочешь сделать, мудрый Ритор, объединяя нас до того, как начнется война? Ты лишил нас самой надежной защиты... убив Того, чье имя для тебя непроизносимо, убив вопреки мнению многих мудрых, – а теперь хочешь, чтобы мы все подчинились тебе? Ты что-то скрываешь, Ритор. Пришло время открытых слов, если ты еще этого не понял. Перестань влиять, подобно весеннему ветру, и отвечай прямо, коль хочешь рассчитывать на нашу помощь.

Клан Огня славился упорством. Трудно было ожидать от них иного.

Ритор вздохнул.

– Ветры несут разные вести. Обрывки заклятий летят через Горячее Море, словно сорванные листья. Прирожденные готовят нечто... нечто ужасное, остановить которое...

– Смог бы только убитый тобой? – резануло из тьмы.

– Да, – глухо признал Ритор. – Да. И поэтому...

– Ты вновь жаждешь всей силы кланов... зачем?

Ритор сжался. И впрямь – пришло время открытых слов.

– Судя по принесенному ветром, Прирожденные хотят создать Дракона.

На развалины пала тишина. От рокового имени, казалось, стали еще мертвее даже камни, вконец истерзанные былой магией.

– Создать Дракона? – отдельно произнесли в темноте. – Создать... Дракона? Да разве такое возможно?

– Как знать... – Ритор опустил голову. – Мы не верили и в их корабли, помнишь? А когда они появились – было уже поздно. Ты помнишь, сколько крови пролилось на том берегу?.. Помнишь?

– Я помню, – пришел шелестящий, словно быстротекущая вода, ответ. – Но корабли – это одно, согласишься, мудрый Ритор, а Дракон – совсем иное. Но... ты нас не удивил.

– Как?! – поразился Ритор.

– Никто не ведает пределы сил, отпущенных Прирожденным. Мы не верим, что Дракона можно создать... но ты прав, мы не верили и в их корабли. Так что же тогда, Ритор? Что ты предлагаешь? Хочешь вновь потряхнуть стариной? – В голосе мелькнула издевка.

Главный вопрос, ради которого он, Ритор, не жалея сил, готовил эту встречу, наконец прозвучал!

– Приходит время Дракона, – сказал Ритор.

Его собеседник рассмеялся тихим булькающим смехом.

– Время тех, кого уже нет? Что с тобой, мудрый Ритор?

– Приходит Дракон, – повторил Ритор. Наступила тишина. Он слышал, как за спиной вздохнул Шатти. Чародея тоже что-то тревожило.

– Я понял, – наконец отозвались из темноты. – Тебя не оставляет память о днях великой войны. Надежды и страхи – они из твоей юности, Ритор. Ритор... убийца Последнего Дракона.

Он сжал зубы, сдерживаясь. Клан Огня, остававшийся в стороне в дни войны, вправе был упрекать его. И все же...

– Мы не устоим перед вторжением Прирожденных. Тем более если их поведет Дракон Сотворенный.

– Но разве не приходит вместе с Драконом в наш мир и его Убийца?

Странно, предводитель клана Огня как будто бы ничуть не удивился. А ведь должен был. Должен. Если убит Последний Дракон... то даже Прирожденным не сотворить вновь такое чудо.

– Разве не был ты таким же Убийцей, Ритор? Разве не прошел ты посвящение Огнем, Водой, Воздухом и Землей, разве не творили над тобой обряды мудрецы всех поверивших тебе кланов? Если Прирожденных возглавит Дракон... мы противопоставим ему Убийцу.

– Есть другой путь.

– Другого пути нет, – жестко сказал предводитель Огненных. – Да и чем плох тот, который я только что привел тебе?

– Прирожденные могут сделать и кое-что еще, – медленно сказал Ритор. – Возможно, им не так и нужен тот же Дракон. Что они станут делать с ним после победы? Не так-то просто убить Дракона. Даже рожденному для этого. Гораздо проще раздуть вражду меж кланами... чтобы вновь вспыхнула усобица... тогда, чтобы взять нас, не нужно ничего. Мы сами перебьем друг друга. Разве не готов вцепиться и нам, и вам в глотки клан Воды? Разве клан Барсов не поссорился с Тиграми? Разве те же Водные, разве не разыскивают они последних из Неведомого клана – столь же неведомо зачем?! Разве вы не досаждаете клану Земли всем, что в ваших силах?

Последнее прозвучало слишком резко. Но брать назад эти слова было уже поздно. Однако предводитель клана Огня как будто бы ничуть не обиделся.

– Оставим ссоры и споры, – легко сказал он. – Если я понял тебя, Ритор... ты считаешь, что Дракон нужен нам?

– Да. – За горизонтом вдали прогремело – или это лишь почудилось Ритору? – Чтобы отразить армаду... чтобы победить Дракона Сотворенного.

– Значит, Дракона еще можно вернуть. – Огненные не спрашивали, они утверждали.

– Если не придет Дракон, наш мир погибнет.

– Вот как?

– Войны...

– Со всеми войнами мы справились сами. Ушло время Драконов, Ритор.

Да что же такое случилось с кланом Огня – до конца стоявшим за свергнутых повелителей мира?

– Нам нужен Дракон, – сказал Ритор. – И он... он придет.

Он ждал новой волны издевок, горькой иронии, упреков. Ведь всем известно, что Драконы ушли навсегда.

Во многом – из-за него.

– Я знаю, – ответил его собеседник. – Ты не убил последнего... или последнюю? Изгнал, но не убил.

Слова были сказаны. Ритор услышал, как за спиной начали переминыться товарищи. Лишь маг сохранял спокойствие. Может быть, потому, что в отличие от воинов и детей знал, как много ликов у правды.

– Да, – промолвил Ритор. – Я не мог убить, ведь...

– Знаю, знаю, – мягким, журчащим шепотом отозвался собеседник. – Не объясняй. Ты отпустил... и теперь Последний Дракон пробуждается. Но он не нужен!

– Единственная защита нашего мира...

– Защита – мы сами! Ритор, мы не допустим возвращения Драконов! Пробуждается Дракон – и пробуждается тот, кто его убьет. Так было с тобой когда-то. Так будет и сейчас. И снова – война, пострашнее схватки с Прирожденными, которой ты пугаешь нас. Ты все забыл, мудрый Ритор?... Или нет? И все же, несмотря ни на что, ты позвал Дракона, верно?

– Нельзя позвать Дракона. Он приходит сам. Я лишь чувствую это... слишком много их крови на моих руках.

– Зато можно позвать того, кто остановит Дракона. И мы сделали это.

Ритор почувствовал, как вздохнул за спиной Шатти. Что-то изменилось вокруг. Пространство вздрогнуло, когда сила начала возвращаться в мир. Кончался час Серого Пса, магия оживала. Пусть еще слабая – слишком далек был час Открытого Неба. Ритор ощутил, как выются у пальцев струйки ветерков, услышал, как шепчет за спиной, в провале стены, воздух.

– Странно слышать такое от детей Огня... – прошептал он.

– Здесь нет Огня! – отрывисто сказал за спиной маг. – Ритор, здесь нет Огня!

Ритор вскинул руки – изо всех сил потянувшись к укутанной в плащи группе. Порыв ветра пронесся по залу, совсем слабый, его едва хватило, чтобы сдернуть надвинутые на лица капюшоны. Но даже это усилие далось с трудом.

Открывшиеся лица были бледными. Слишком прозрачными и чистыми для клана Огня.

– Предательство! – выкрикнул Ритор, машинально лоя рукоять несуществующего палаша.

Тот, кого он принимал за предводителя клана Огня, засмеялся.

– Почему же? Они не предавали вас, Ритор. Долго, очень долго мы уговаривали их назвать место встречи...

Братья Клатт синхронно – им не нужны были слова, чтобы понять друг друга, – шагнули вперед. Их сабли и пистолеты остались в лесу, в ста шагах от разрушенного замка, как того требовали правила, – даже в час Серого Пса маг легко ощутит припрятанное оружие. Но и длинные ножи в руках братьев кое на что годились. Таниэль тоже попытался прикрыть собой Ритора и мага, но предводитель клана локтем оттолкнул мальчишку назад. В схватке тот был не помощник.

– Мы уходим, – сказал Ритор. Скорее утверждающе, чем вопросительно, пытаясь придать голосу уверенность, которой не чувствовал.

Между кланами Воздуха и Воды не было открытой распри. Порой они даже дружили... как в дни великой войны. Быть может, им позволят уйти?

– Нет, – сказал тот, кто руководил детьми Воды. – Боюсь, что нет, Ритор.

Это был их час. Миг предельной Силы. И они не боялись ее проявить.

Все пятеро вскинули руки, сбрасывая с плеч чужие плащи. Лишь теперь стало видно, что оранжевая ткань кое-где прорвана, а кое-где покрыта бурыми пятнами. Под снятой с убитых одеждой светлели бледно-синие обтягивающие камзолы.

Это был час их Силы – и никто в мире не смог бы остановить магию Воды.

Клатты кинулись в бой, пытаясь успеть. Ритор видел, куда более ясно, чем ему хотелось, как старший из братьев споткнулся, зашатался, хватаясь за горло. Его гибкое, тонкое тело принялось раздуваться, мгновенно затрещала рвущаяся ткань, с тонким звоном посыпались на пол серебряные застёжки. Ставший вмиг неуклюжим и неповоротливым воин рухнул, уши полоснул захлебывающийся крик. Потом старший Клатт лопнул. С отвратительным звуком рвалась кожа, кровь, ставшая ненормально светлой и прозрачной, била во все стороны.

Кровь – та же вода.

Младший жил на несколько секунд дольше. Любая магия нуждается в противовесе, и его плоть не лопалась, а иссыхала. Он даже успел ударить – нож скользнул по груди одного из врагов. Наверное, без привычной смертоносной силы, и все же тот застонал, отшатываясь, ломая слаженный строй. Высохшее, как мумия, тело рухнуло к ногам детей Воды. Мгновения замешательства были коротки, и все же...

– Уходи, Ритор! – крикнул Шатти, выступая вперед. Пришла его очередь умирать, и маг знал это.

Ритор оглянулся. Прорваться к лестнице мимо врагов было невозможно. Значит, оставался единственный путь. Проломленная стена, за которой светлело небо и дышала высота.

Чуть больше силы! Хотя бы чуточку больше!

– Таниэль! – Он потянул за собой паренька. Увидел страх в его глазах. В свой час тот был способен на многое, но сейчас... – Таниэль, иначе смерть!

Им в спины ударило ветром. Наверное, маг отдавал сейчас все свои силы в последней схватке, короткой и безнадежной. Детей Воды отшвырнуло к лестнице реющим воздушным потоком. Их предводитель схватился за горло, как минуту назад старший из Клаттов. Основной

удар маг обрушил на него, вытягивая воздух из легких, пытаясь удушить. Не будь сейчас часа Просыпающейся Воды – Шатти сумел бы это сделать.

– Прыгай! – крикнул Ритор племяннику. Паренек выдохнул, не отводя от него перепуганного насмерть взгляда, и шагнул в пустоту.

За спиной свистнул водяной бич.

Прыгая, Ритор обернулся и успел увидеть, как гибкая голубая плеть, окруженная ореолом разлетающихся капель, перерубила тело мага, от правого плеча к левому бедру, сверкнула, взлетая к сводам зала, и метнулась к нему. Боец не успел совсем чуть-чуть – еще не утих вызванный магом ветер, и бич, тянувшийся из его руки, дрожал, нащупывая дорогу в чуждой среде.

Ритор уже падал.

Воздух ударил в лицо – ласково и растерянно.

Не твой час, Ритор, что ты делаешь, Ритор...

Он падал – с высоты двадцати ростов. Внизу кувыркалось тело Таниэля. Вот паренек собрался – раскинул руки, ложась на воздух. Слабое свечение окутало фигуру мальчика, когда тот попытался лететь. Выплеснулись мерцающие магические крылья.

– Нет! – закричал Ритор. Но крик унесло ветром.

Даже самый сильный из детей Воздуха не смог бы взлететь в час Просыпающейся Воды. Но Таниэль слишком верил в себя, в свои силы, в родную стихию. Его возраст не признавал компромиссов.

Он верил так сильно, что на какой-то миг Ритору показалось – мальчик справится...

Аура, окутывающая Таниэля, полыхнула особенно ярко – и угасла. Воздушные крылья так и не расправились.

Не было времени, чтобы почувствовать боль. Падение скоротечно. Ритор закрыл глаза, всем телом ощущая воздушный океан вокруг, вытягивая тонкие ниточки Силы, рассеянной в пространстве. Ему не удастся создать крылья. Но это не единственный путь...

Воздух уплотнялся, сжимаясь под ним тугой подушкой, прозрачной линзой. Детская забава, одно из первых упражнений в магии. Кто дольше продержится на невидимой опоре, кто выше подпрыгнет, раскачавшись на упругой воздушной перине... Как мог Таниэль забыть несложные заклинания? Или помнил, но предпочел воспользоваться серьезным, взрослым умением летать?

От удара о землю воздушная линза лопнула. Удерживаемый магией воздух облегченно рванулся в стороны. И все же падение смягчилось. Ритора слегка подбросило, качнуло на стремительно уменьшающейся опоре. От перепада давления заложило уши. Потом он коснулся камней, но уже без прежней убийственной скорости. Прокатился по склону, замер, вцепившись онемевшими пальцами в ветки кустов, выросших на краю давно пересохшего рва. С этой стороны замок не штурмовали, и ров не был заткан земляными ежами, сохранил порядочную глубину и острые колья, вкопанные в дно.

Было очень тихо. Точнее – казалось, что вокруг царит тишина. Лишь бухала кровь в висках. Ритор встал, сглотнул, сделал пару жевательных движений. От ушей отлегло.

Неподвижное тело Таниэля лежало совсем рядом. Достаточно было одного беглого взгляда, чтобы понять – паренек мертв. Он ударился спиной о камни – и в изломанном, выгнувшемся теле уже не оставалось жизни.

Все же Ритор шагнул к нему. Если не спасти – так хотя бы унести тело...

Земля задрожала, потекла под ногами. Мутная вода фонтанчиками плеснула из-под ног. Ритор вскинул голову – и увидел, что сверху, сквозь пролом в стене, смотрят на него дети Воды. Проклятие!

Он побежал. Плыла, превращаясь в мокрую кашу, земля под ногами. Но он был далеко, враги уже не видели его под сводами деревьев. И не так-то просто сразить лучшего из клана Воздуха.

Даже – в чужой ему час.

Глава 2

Виктор опустил дымящуюся телефонную трубку на стол. Все происходило как в дурном сне, когда привычный мир рушится, и причем рушится – неторопливо и насмешливо. Все, к чему он прикасается, умирает. Лопаются трубы, взрываются кинескопы, горят телефоны... Что может гореть в новеньком импортном аппарате? Изоляция проводов, порошок в микрофоне? Да какой там порошок, от крошечной горошины электронного микрофона столько гари никогда бы не возникло!

Но едкий черный дымок продолжал куриться. Вспомнилась идиотская шутка из детства, когда он с приятелями звонил по первому попавшемуся номеру и, захлебываясь от смеха, кричал солидным, «взрослым» голосом: «На телефонной станции пожар, опустите трубку в таз с водой!»

Может, и впрямь...

«Еще секунда – и я начну хохотать. Позорно, истерически хохотать, стоя спиной к умирающему ребенку...»

И это была правильная мысль. Дурь вылетела из головы. Виктор отвернулся от несчастных останков телефона, подошел к девочке. По-прежнему в сознании, это уже хорошо. Но откуда такая бледность?

Склонившись над неожиданной пациенткой, он осторожно закатал окровавленный свитер. Девочка слегка повернулась, помогая ему. Молодчина.

Свитер задрался легко, это было одновременно и хорошо, и странно. Хорошо, ведь если кровь не успела засохнуть и приклеить одежду к коже – значит, ранение недавнее. Странно, потому что свежая рана должна была продолжать кровоточить.

– Как? – спросила девочка. Спокойно, без того мелодраматичного надрыва в голосе, что звучит порой у взрослых барышень, порезавших пальчик.

– Нормально, – ответил Виктор, чудом попадая ей в тон.

Он ожидал чего угодно. Зияющей раны, оставленной горлышком разбитой бутылки, или того, что на коже не окажется даже царапины. В конце концов окровавленная девочка может быть лишь живой отмычкой для шайки малолетних грабителей. А он ведь до сих пор не закрыл дверь!

Но рана и впрямь была. Тонкий, почти хирургического вида разрез. Уже не кровоточащий.

– Несильно зацепили, – сказала девочка, словно читая его мысли. – На переходе. Больно не было, только крови плеснуло...

– На переходе, ясненько...

Виктор зачарованно смотрел на рану. Повезло девчонке. Видимо, полоснули бритвой. Но задели слабо, лишь чуть пропороли кожу. И свертываемость у нее оказалась хорошая. И сама она не растерялась. Виктору, взрослому и достаточно крепкому человеку, и то было неприятно спускаться вечером в подземный переход. Вечно там разбивали лампочки, частенько воняло всякой гадостью, шевелились в углах бесформенные тени бродяг, готовящихся к ночевке. Вот кто-то и напал на девочку. Скот. А девчонка – молодец, отчаянная вырвалась, вбежала в ближайший подъезд, лишь у двери упала... к счастью, не от кровопотери, как он вначале подумал.

– Все будет нормально, – сказал он. – Честное слово. Это только порез. Даже не стоит шить. Я обработаю перекисью...

– Хорошо, Виктор.

Она смотрела ему в глаза испытующе и серьезно. Не по-детски.

А еще – знала его имя!

– Откуда ты меня знаешь? – резко спросил Виктор. Девочка молчала.

Похоже, эта ночь не собиралась дарить ему простые ответы.

Виктор быстро прошел в прихожую. Торопливо провернул замок. Потом, чувствуя легкое смущение, снял с гвоздя в стене ключи от второго, почти никогда не закрывавшегося замка, запер и на него.

Забаррикадировался, называется! Хлипкая картонная дверь и два жалких серийных замка. Мой дом – моя крепость...

Стены, черные как ночь,
Белый жемчуг куполов,
Пусть печаль уходит прочь,
Это крепость наших снов.
Плеск лазоревой волны,
Льется с неба солнца мед,
Дети облачной страны
Начинают свой полет...
И не думай, не гадай,
Где здесь сон и где здесь явь,
Одного не забывай —
Кто в ответе, тот и прав...
Есть властитель в мире дня,
Повелитель есть в ночи,
Но от тайного огня
Одному даны ключи...

...Виктор оторвался от стены. Ноги чуть дрожали, но чушь в голову больше не лезла. На каком-то немыслимом автопилоте он открыл аптечку, висевшую в прихожей, выгреб полиэтиленовый пакет с бинтами и пластырями.

«Самому пора лечиться...»

Девочка продолжала лежать, глядя на него. Виктор быстро, стараясь забыться в простейших действиях, оторвал кусок бинта, смочил перекисью, провел по тонкому разрезу. Перекись зашипела, выедавая подсохшую корочку крови. Девочка поморщилась.

– Откуда ты меня знаешь, а? – раскрывая пакетики с лейкопластырем, спросил Виктор. Больному полезно заговаривать зубы во время процедуры. Но ему самому был важен ответ.

– Знаю, – девочка наконец-то снизошла до разъяснений. Жаль лишь, что ясности они не принесли никакой.

Чтобы закрыть рану, потребовалось всего три кусочка пластыря. Нет, определенно повезло девчонке! Скользящий разрез, поверхностный. Но откуда натекло столько крови?

– Бритвой полоснули? – спросил он.

– Нет, саблей.

Глаза у нее были серьезные. Но Виктор отвык верить глазам.

– Я не знаю, как тебя зовут, – начал он, закипая. – Не знаю, где ты настолько удачно оцарапалась...

– Тэль.

– Что?

– Так меня зовут. Тэль.

Внезапно Виктор понял.

Видел он как-то по телевизору таких вот мальчишек и девчонок. Неряшливо одетые, с волосами, перевязанными ленточками, с деревянными, а то и металлическими мечами за спиной. Называли они себя именно такими «красивыми» именами, собирались где-нибудь в лесу и

занимались «ролевыми играми». Хорошенькая корреспондентка захлеб рассказывала, что это новое молодежное увлечение, в ходе которого вырабатываются альтернативные формы поведения и познается история исчезнувших цивилизаций. Виктору от подобного зрелища было тоскливо. Во-первых, он верил в древние цивилизации гномов и эльфов не более, чем в империю Кощеев Бессмертных или конституционную монархию Бабы-Яги. А во-вторых, уж слишком фанатично блестели глаза у ребят, посвятивших свою юность изучению эльфийской речи.

Наверное, и эта девчонка, Тэль, заигралась в подобные игры. Бродила в компании сотоварищей-эльфов, красила ногти золотым лаком, фехтовала ржавыми железяками. Вот и получила маленькую отметину на всю жизнь.

Прекрасное объяснение. Лучшего не придумать. Да и не хочется в этот поздний час отвергать простые и понятные объяснения.

Но откуда девочка знает его имя?

Может быть, видела в больнице? Доводилось порой поддежуривать в детских отделениях. Запомнила пигалица лицо и имя, а потом, случайно попав в квартиру, приняла случайность как должное... Дьявол, сплошные домыслы...

– Тэль, – как можно ласковее сказал Виктор. – Я должен сейчас позвонить твоим родителям... хм...

Он покосился на телефон. Тот, правда, уже не дымился, но...

– Тэль, я выйду, внизу есть таксофон, – сказал Виктор.

Девочка улыбнулась:

– Тебе некуда звонить.

– У твоих нет телефона? – сообразил Виктор.

Было уже за полночь. Веселенькое дело!

– Вставай, – сказал он наконец. – С тобой ничего страшного не случилось. Я сам отвезу тебя домой.

Тэль словно ждала разрешения. Немедленно села, оправила свитерок, сложила руки на коленях. Аккуратная примерная девочка. И не скажешь, что в голове сквозняк.

– Ко мне на такси не доедешь, Виктор, – сообщила она. По-деловому, без всякой насмешки или вызова. Напротив, с благодарностью, словно предложение ей очень польстило.

– И что же тогда делать?

В глубине души Виктор надеялся, что девочка встанет и уйдет. Сама. И пешком. Нет, конечно, это было бы не слишком правильно – отпускать ребенка, да еще раненого, в ночь.

Но где-то в глубине души ворочался холодок предчувствия. И говорил он одно: если девочка сейчас не уйдет – из его квартиры и из его жизни, то будет плохо. Очень плохо.

Почему только эти сволочные предчувствия такие однобокие? А что произойдет, если он сейчас выставит девчонку за дверь? Станет лучше?

Тэль смотрела ему в глаза.

– Мы ляжем спать, – сказала она с подкупающей простотой. Подумала и уточнила: – Я маленькая, мы на тахте поместимся. А утром пойдем ко мне.

Вот теперь Виктора проняло окончательно.

– Так, – сказал он. Взял девочку за плечо, поднял с тахты. Молча поволок в прихожую. В голове сразу возникла целая куча неприятностей, которые крылись за предложением Тэль. То ли вычитанные в газетах, то ли мгновенно придуманные гнусности. Самым безобидным было пробуждение в обчищенной квартире... да что у него воровать-то? Далее следовали небритые граждане кавказской национальности, включенные утюги, сроки за растление малолетних и прочие радости бульварных газет.

– Виктор! – Девочка внезапно вывернулась из его рук. Прижалась к стене, под злополучным электрощитком.

– Выметайся, живо! – Виктор пытался говорить зло и убедительно, но получалось это плохо. Ну не походила эта девочка на пособницу какой-то грязной аферы! Никак не походила! Да и в словах ее, похоже, не было ничего, кроме предложения уснуть на одной кровати. – Выметайся!

– Почему? – совсем растерянно спросила девочка.

– Почему, говоришь? – Виктор указал взглядом на пол. Конечно, основная лужа была в подъезде, но и здесь хватало бурых пятен. – Это не твоя кровь! Ты бы так не прыгала, Тэль... или как там тебя!

– Не только моя, – легко согласилась девочка. – Я отбивалась.

Час от часу не легче! Может быть, на лестнице этажом ниже валяется труп?

– Он ушел. А мне было не до него. Я шла к тебе.

От легкости, с которой Тэль отвечала на незаданные вопросы, делалось неуютно.

– Почему – ко мне?!

Виктор уже не рассчитывал на нормальный ответ. Может быть, потому его и получил.

– Наши предки знакомы.

Ох уж этот жаргон! Предки! И все-таки что-то проясняется. Виктор с безумной скоростью прокрутил в голове маминых подружек и их мельком виденных чад. Смутно вспомнились несколько рыжих девчонок. Надо позвонить маме. Спросить, кто из дочек-внучек ее подруг предпочитает играть с самодельными мечами, а не с куклами и компьютерными приставками... Да. Конечно. Позвонить...

– Идем в комнату, – устало сказал Виктор. – Ладно. Хорошо. Я идиот. Я доверчивый кретин. Не требую объяснений и доказательств. Но скажи, пожалуйста, откуда наши предки знакомы?

Девочка обиженно поморщилась:

– Они вместе воевали.

– Что?!

Несколько секунд Виктор потратил, пытаясь представить маму или папу на войне. На какой-нибудь «необъявленной». Маленькая, пухленькая учительница математики в джунглях Вьетнама или близорукий, в очках с линзами минус семь, отец в горах Афганистана... Надо же, какая увлекательная версия!

– Девочка, мои родители не воевали. Нигде и никогда. Честное слово. Их даже в тыл врага с парашютом не сбрасывали.

– Я не говорила о родителях, – спокойно возразила Тэль. – Твои бабушка и дед – воевали.

Виктор осекся на полуслове. Родителей отца он толком и не знал. Рано умерли, и, кажется, произошло что-то такое в их жизни, о чем вспоминать особо было не принято. А вот баба Вера...

В детстве он проводил у нее каждое лето. И тогда, и сейчас баба Вера жила в глухой деревеньке в Рязанской области. Есть такой тип людей, что совершенно не переносят городской жизни. Даже в мамин городишко она выбиралась редко и с неохотой. В Москве, у него, не бывала никогда, хотя здоровье (тьфу-тьфу) позволяло. Была баба Вера высокой, без намека на старческую сгорбленность. С острым взглядом янтарных глаз, с черными и на восьмом десятке лет волосами. А еще в ней было то, что называют «породой». В войну – настоящую, единственную, которой принято гордиться, была она немногим старше Тэль. Но – воевала. В партизанском отряде. Маленький Виктор, как водится, в свое время пристал к бабушке с расспросами: «Расскажи, как убивала фашистов!»

И баба Вера рассказала. Да так подробно, что мама, услышавшая от сына восторженный пересказ, первый и последний раз поругалась с бабушкой. Виктор, укрывшись с головой одеялом, перепуганно вслушивался в перебранку из соседней комнаты. «Мама, да ты сумасшедшая! – кричала на бабушку его мать. – Шею резать не с той стороны, где стоишь, да? А то

кровью запачкаешься? Ты что ребенку рассказываешь? У него же травма, психическая травма будет!» И голос бабушки, спокойный, ледяной... как у Тэль... как у Тэль! Что-то о лице смерти и цене жизни, Про то, что Виктор не спит, все слышит и от маминой истерики у него как раз и может быть психическая травма.

Бабушка всегда знала, когда он спит, а когда притворяется. И звала его только Виктором. Никаких Витенек-Витюшек-Витюлечек, от которых коробит любого мальчишку. С бабой Верой было хорошо и жутковато одновременно. Виктор мог соврать маме или отцу, но бабушке даже не пытался.

– Ты мне веришь? – неожиданно спросила Тэль.

Виктор пожал плечами. И честно сказал:

– Нет.

В щитке щелкнуло, и свет погас.

– Часто так? – с живым интересом спросила девочка из темноты.

– Отойди от щитка. – Виктор поймал ее за руку и оттащил в комнату. – Стой.

Поминутно налетая на стены, он выбрался на кухню, стал на ощупь искать свечку. Все, хватит на сегодня войны с проводкой. Завтра надо вызывать электрика.

Свечка нашлась не сразу. Почему он за пять лет не научился ориентироваться в собственной квартире? Стоит погаснуть свету – и словно сходятся стены, а потолок опускается и давит. Никогда ведь не жил в роскошных просторных апартаментах...

Когда Виктор, прикрывая ладонью язычок огня, вернулся в комнату, Тэль у порога уже не было. Она сидела на тахте, задумчиво листая журнал «Медведь». Журнал, кстати, раньше лежал на книжной полке.

– Очень смешно, – сказал Виктор, опуская свечу на столик. – Значит, так. Времени второй час. Так что ты остаешься.

– Спасибо, – поблагодарила девочка.

– Ляжешь здесь. А я на полу. Утром пойдем к тебе домой.

– Обещаешь? – требовательно спросила Тэль таким тоном, словно Виктор коварно заманил ее в квартиру и не дает уйти. Пришлось пару раз глубоко вдохнуть, прежде чем ответить... между прочим, с ощущением, что совершается огромная глупость.

– Да. Клянусь.

– Я тебе верю, – согласилась Тэль. Отложила журнал и стала наблюдать, как Виктор достает из шкафа запасное одеяло и подушку, стелит себе на ковре, в том уголке комнаты, что давно был отведен для припозднившихся друзей. Слава Богу, она не вызвалась помочь, Виктор был уже на взводе.

– Моя постель – попона боевого коня, – мрачно сказал Виктор, усаживаясь на сложенное вдвое одеяло.

– Ты умеешь ездить верхом? – живо заинтересовалась Тэль.

Он даже отвечать не стал. Встал, потянулся к свече. Уже давя пальцами крошечный лепесток пламени, краем глаза увидел, что Тэль стягивает свитерок, одетый, оказывается, на голое тело.

Дьявол! То ли абсолютное простодушие, то ли циничная развращенность. Тэль в том возрасте, когда подобное поведение еще не означает однозначного предложения... и уже не в том, когда не значит абсолютно ничего.

Ему казалось, что он вообще не заснет этой ночью. Но сон пришел сразу, едва Тэль закончила возиться на тахте. Словно ничего удивительного не произошло, словно он спал в полной безопасности и в одиночестве.

А снился Виктору умирающий конь, красивый белый конь, лежащий на зеленой траве. Боевая попона, сплетенная из металлических колечек, была истыкана короткими толстыми стрелами. Конь вздрагивал, поднимая белую морду с кровоточащей круглой раной во лбу. В

голубых словно небо глазах светилась человеческая мука. Виктор нагнулся над ним, провел ладонью по холке. А потом перерезал коню горло коротким широким клинком.

С противоположной от себя стороны, как учила бабушка Вера.

Была в ее движениях грация, недоступная человеку. Лой Ивер, глава клана Кошки, коснулась тонким пальчиком золотой пудры, небрежно насыпанной в грубую деревянную чашу. Милый контраст роскоши и простоты... если забыть, что розовое дерево не растет в Среднем Море.

– Ты становишься похожа на куклу, – бросил из бассейна Хор. – Хватит мазаться, Лой.

Женщина словно не слышала. Провела пальцем под глазами, оставляя сверкающий золотистый след. Лицо, раскрашенное сапфиром, золотом и серебром, и впрямь обретало кукольный вид. Темно-синие глаза, золотистые волосы, матово-белая кожа – и все это карикатурно подчеркнуто теми же цветами.

– У тебя не чешется кожа от этой дряни? – раздраженно повышая голос, спросил Хор.

– Чешется, – призналась Лой.

– Так прекрати мазаться.

– Красота дороже.

Хор издал хрюкающий звук. Не то смеялся, не то возмущался.

– Зачем тебе это нужно, Лой?

– Что? Бал?

– Нет. Насмешливые взгляды наших дураков, фальшивые комплименты гостей...

– И страсть в глазах юнцов... – мягко прошептала Лой.

– Блудливая кошка, – сказал Хор. Это не было оскорблением. Просто констатация факта.

– Хор... – Лой отвернулась от зеркала, подошла к бассейну. – Когда в женщине видят лишь накрашенную смазливую дурочку – проще...

Он плеснул в нее водой. словно бы игриво, но ведь прекрасно понимая, как Лой этого не любит и как легко превратить сложный узор цветных пудр в грязные потеки. Лой увернулась, покачала головой.

– Ладно. Я понимаю. Обещаю, Хор, сегодня я не буду шататься и хохотать после второго бокала вина. И целоваться по углам со сластолюбивыми магами чужих кланов – тоже.

Хор с сомнением смотрел на нее из теплой, парящей воды. Он был огромен, мускулист, каждое движение выдавало в нем воина. Он так же не знал недостатка поклонниц, как Лой – нехватки кавалеров. Вот уже десять лет, как весенние схватки подтверждали его право быть другом Лой.

И все же он ревновал ее.

Не мог не ревновать. Лой, и ветреная и верная, способная и танцевать до упаду и неделями просиживать над полуистлевшими магическими трактатами, швыряющая золото клана на минутные прихоти и правящая тем же кланом железной рукой, искусно лавирующая между постоянно готовыми вцепиться друг другу в глотку сообществами кланов, оставалась вечной загадкой. Темно-синие глаза умели делаться то бездонными, то, напротив, непроницаемыми, словно черные камни под спящей водой – особенно когда она выносила кому-то смертный приговор. Лой умела так пройти по залу, неважно, в прозрачном бальном платье или закутанная от шеи до пяток в черное, что у мужчин останавливалось дыхание, рты наполнялись жадной слюной и разум едва-едва удерживал последние рубежи под натиском обезумевшей плоти, рвущейся из глубин страсти. В такие минуты Хор, как никогда, бывал близок к сумасшествию, к настоящей мании убийства.

И Лой, похоже, об этом прекрасно знала. Тем не менее ей нравилось дразнить его, играть с огнем, балансировать на грани, висеть на волоске; собственно, в этом и заключалась квинт-эссенция того, что именовалось «Духом Кошки» – быть вечно на самом краю, скользить на

гребне волны, ни во что не вмешиваясь и ни подо что не подставляясь. Кошки слыли первейшими интриганам в мире. И Лой среди них была лучшей. Злые языки утверждали, что Кошки сумели бы договориться даже с Прирожденными; а кое-кто шел дальше, утверждая, что они, мол, предадут в любой момент, как только сочтут это для себя выгодным, а может быть – уже и предали. Никаких доказательств никто, само собой, никогда собрать не мог, а Кошкам, казалось, совершенно все равно, что про них говорят. Даже более – шуткам над собой они смеялись едва ли не первыми. А кроме того, слыли авторами всех более или менее остроумных.

Еще они были знамениты своими балами. Где в ход шли любые снадобья и развлечения. Где, согласно неписаным, но твердо поддерживаемым правилам, никогда не сводились счеты и члены враждующих кланов могли говорить спокойно, не хватаясь за оружие. На балах у Кошек отчего-то разом забывались все обиды и оскорбления.

Лой, полуприкрыв веки, послала в Хора тщательно выверенный взгляд. Сегодня ей и впрямь было не до флирта. Что-то неладное случилось с кланом Огня. Обычно на ее балы они являлись одними из первых. А теперь – их никого нет. Тоскливо мается возле стены бледный юноша с алым газовым шарфом на левом рукаве – и все.

Правда, хорошо и то, что эта странность – пока единственная. Остальные завсегдатаи уже собрались.

Бальный зал Лой Ивер был обычен для лесных правителей. Магия обратила молодой дуб в громадного, поистине «небеса подпирающего» колосса, поднявшегося высоко-высоко над туманными вершинами Поющего Леса. Ветви нижнего венца кроны опускались вниз до самой земли, сплетаясь так, что получились самые настоящие стены, не хуже крепостных. – Каждая из ветвей толщиной была в столетний обычный дуб.

Ивер позаботилась и об остальном. Из-под корней великана бил ледяной ключ; Лой не слишком любила воду, как и всякая Кошка; но хрустальные капли на зеленой листве были так красивы, так легко играли в отблесках громадного очага, что она не удержалась.

Под темно-зеленой (или, в зависимости от сезона, густозолотой) листвой вольно гуляли ветры. Лой вспомнила, сколько ей пришлось в свое время уламывать знаменитого Ритора. Убийца Дракона долго отнекивался, но в конце концов не устоял, сотворил нужное заклятие. Правда, после этого отчего-то ни разу не появился на ее балах. А жаль. Ивер была честолоубива. Ее предшественница танцевала «огненную» с самим Каэдроном, Каэдроном-Владыкой, когда молодой еще Дракон навестил Поющий Лес. Бабка Лой, Ивер Первая, ухитрилась заполучить на один из своих вечеров пленного принца Прирожденных, взятого в случайной морской стычке. Принца привели Воздушные, они потеряли в бою трех лучших магов, они едва держались на ногах – однако бабка тогда не подкачала, добила своего, и память о «бале с Прирожденным» жива до сих пор. В отличие от принца, конечно.

Ах, какие интриги плелись здесь, какие хитроумные комбинации рождались из ничего, какие заключались союзы, пакты и альянсы, чтобы, подобно призракам, исчезнуть через несколько месяцев, преобразившись в совершенно иные оси, унии и лиги! Сколько требовалось мастерства и хитрости, чтобы, «постоянно оставаясь в середине, все же оставаться в стороне»! Клань дважды отбились от Прирожденных, причем первый раз это была настоящая война; но ГЛАВНАЯ БИТВА – тогда, в прошлом, «когда был молод еще сам Хранитель», как говорили Драконы, – главная битва осталась проигранной. На горечи поражения взошли горькие же побег. Клань всегда, с самого первого дня их появления в Срединном Мире, стояли на самом краю кровавой и всеобщей междоусобицы.

И пожалуй, разделись они на два примерно равных по силе лагеря, так бы и случилось. Однако в древности этому мешали Драконы – Лой не боялась называть владык минувшего по имени, она не верила в злую магию секстаграмматона, – а потом они, Кошки, остались одни. Не каждый ведал, кто именно пресек жизнь последнего из Властителей; Лой, конечно же, знала.

Да, да, наверное, именно они, Кошки, не дали вспыхнуть большой войне, лениво думала Лой. Пусть лучше бойцы Воды и Огня оспаривают друг у друга девчонок моего клана, чем методично насилуют их – после того, как вспорют животы соперникам. Пусть... а впрочем, не важно. Кошки живы и процветают, их побаиваются и уважают, уважают наравне с Четырьмя Стихийными кланами, испокон веку стоявшими между кланами Тотемными и Крылатыми Властителями. Даже Тигры, страшные в рукопашной схватке, признали, что с Кошками лучше не связываться...

А меж тем в громадной бальной зале была осень, и глаз отдыхал, радуясь неярким и глубоким переливам золота на бесчисленных резных листьях. Собирались последние опоздавшие гости. Лой осторожно отогнула ветку. Сверху открывалась великолепная картина – угольно-черные плащи мужчин, изукрашенные искрящимися алмазными извивами, многоцветье женских нарядов: от сплетенного из топазовых нитей – пожалуй, и впрямь каменных, а не матерчатых – костюма Каниан Тай, самой скандальной и самой красивой дамы Земных, от целой волны трепещущего шелка цвета морской лазури (новенькая у Водных? Как интересно, никогда раньше ее не видела и даже не слыхала о такой... Лой почувствовала себя уязвленной – как такая красавица могла остаться неизвестной ей, Лой Ивер, главе клана Кошки?!) до лепестков живого огня, водопадов и струящихся каскадов или почти полного отсутствия какой бы то ни было одежды у гордых Пантер, презирающих стыд и условности. Блеск колье и диадем сливался с мягким свечением хрустальной росы, заранее рассеянной магией Лой по живым стенам зала. Лой еще раз посмотрела на молоденькую девушку Водных, покачала головой. Нет, почему она не знала? Зря, что ли, платит осведомителям всех кланов? Теперь уже и не успеть, не найти такую одежду, которая убийственным контрастом оттенит голубые шелка красоти. Разве что строгий охотничий костюм? Надо подумать...

Надменные Барсы в снежно-белых прямых одеяниях, игнорирующие роскошь, вторые (после гномов) оружейники Срединного Мира. Спокойные, флегматичные, но неудержимые в гневе Медведи, предпочитавшие, подобно эльфам, зеленое и коричневое, с толстыми золотыми цепями из необработанных самородков; вечно мятущиеся, всегда готовые кинуться в драку Волки во всех оттенках серого; невозмутимые Сапсаны и еще многие другие из Тотемных.

А особняком, на почетных местах ближе к громадному стволу, вели неспешную беседу гости из четырех Стихийных. Собственно говоря, в полном составе явился лишь клан Земли, обожающий празднества; от Воздуха пришли только двое, от Огня – один-единственный мальчишка с алым шарфом; от Воды снизошло больше, отсутствие первых лиц искупалось очаровательной дебютанткой, вокруг которой уже взвихрился настоящий хоровод ухажеров, тщивших оказаться занесенными в ее заветную бальную книжечку.

Лой ощутила слабое волнение. Что-то было не так. Никогда еще на ее бал не собиралось так мало Стихийных. Демонстрация силы? Она торопливо перебирала в уме все последние провалы – ничего серьезного, ничего такого, чтобы вызвать столь резкий ответ, – почти что разрыв дипломатических отношений и объявление войны!

Глаза Ивер потемнели. Нужно позвать Хора. Отправить еще разведчиков. И... хоть она и обещала не делать этого, ей предстоит несколько чисто деловых поцелуев по углам... и, быть может, не только поцелуев.

А потом... потом скрывающие вход ветви внезапно задрожали и, точно в ужасе, отшатнулись в стороны. Задувая трепещущее многоцветное пламя лучащихся светил, пронесся холодный темный ветер. В открывшемся овальном проходе появилось несколько фигур – еще издали Лой опознала ни с чем не сравнимую тонкую ауру Воздуха, но при этом – словно бы напояк – рассеченную полосой кипящей крови.

Знак Убийцы Дракона. Который можно скрыть – но не потерять, похитить, подделать или присвоить.

Ритор пришел на бал Лой Ивер.

Знаменитый маг был один. Рядом с ним, старательно глядя в сторону, шли лучшие из лучших бойцов клана Воды. Во главе с самим их предводителем, Торном. Он был единственным, кто смотрел прямо в глаза Ритору. Судя по выражениям лиц, разговор шел самое большее о погоде. Ничего не отражалось и в ауре, слишком сильны были оба, чтобы выносить на публику хоть что-то из своих дел, слов и тем более мыслей.

Однако Лой Ивер не была бы Лой Ивер, не почувствуй она в тот же миг неладное. Случилось нечто поистине страшное. И вот Ритор здесь... что же дальше? Кто он – предвестник войны, войны междоусобной, которой всегда так страшились Кошки?

Она должна это узнать. Как и то, почему нет никого от Огня.

Ритор плохо помнил, как выбрался с того проклятого места. Все его спутники были мертвы, и, как знать, что делают сейчас с их телами не менее искусные, чем сам Ритор, маги клана Воды? Что нашептывают на ухо умершему от страшной жажды Клатту-младшему? Наверное, сулят вдоволь мягкой, прохладной, вкусной, ледяным шаром катящейся по горлу влаги; и, право же, ни у кого не повернется язык осудить погибшего за то, что его собственная мертвая плоть оказалась настолько слабее духа.

Однако же он, Ритор, выжил. И теперь пришло время обдумывать месть. Измыслившие и исполнившие такое злодейство должны умереть. Их гибель не воскресит ушедших друзей, но, быть может, послужит уроком для остальных.

Время шло, приближался дневной зенит Силы, однако Ритор упрямо шел пешком, пробираясь напролом через бездорожье. Эту часть страны давным-давно отгремевшая война выжгла настолько, что ни люди, ни гномы, ни эльфы, ни другие обитатели Срединного Мира так и не вернулись сюда. На месте испепеленных магией лесов поднялись новые, лишь кое-где остались отвратительные, покрытые вечно белесой плесенью проплешины – где сражавшиеся пустили в ход Жизнебой, самую страшную отраву, когда-либо сотворенную черными алхимиками кланов...

Край Затененных Лесов вплотную подходил к восточному рубежу владений Лой Ивер. Поющий Лес странным образом совершенно не пострадал, оказавшись на краю невиданных по ярости батальей. «Наверняка и здесь, – угрюмо подумал Ритор, – не обошлось без знаменитого „Духа Кошки“, незримого хранителя-оберега этого клана...»

И тут он вспомнил, что еще может успеть на бал. Лой с достойной лучшего применения настойчивостью бомбардировала его приглашениями, несмотря на то что он, Ритор, всю жизнь считал балы праздной суетой и гнездом разврата.

Маг поднял глаза к небу. Пожалуй, он уже достаточно далеко, да и сила Воды изрядно ослабела в этот час. Пошевелил плечами, ощущая привычное пение сгущающегося за плечами ветра, что было сил оттолкнулся от земли и воспарил. Как это было легко... если бы хоть часть этой силы была с ним на рассвете...

Сегодня он пойдет на бал. Он отыщет там Лой, пусть даже для этого ему придется прервать ее оргазм. Он заставит ее выложить сплетни и опросить всех шпионов. Она скажет ему все. Отчего-то Ритор не сомневался, что сумеет узнать от Кошки, как и кем вершилось это предательство, он не верил, чтобы бывалые чародеи Огня так легко поддались бы, даже окажись они захваченными врасплох.

А кроме того, ему хотелось посмотреть в глаза тем из клана Воды, что дерзнут после всего случившегося появиться на балу у Ивер.

– Приятная встреча, Ритор, – произнес навстречу ему голос – мягкий, льющийся, словно льдистый родник.

Предводитель клана Воды стоял, закутавшись в походный плащ. Спокоен, голова поднята, смотрит без вызова и насмешки, в глазах обычная светская любезность, словно и не было схватки в замковых руинах.

– Ты, наверное, шутишь, Торн. – Ритор владел голосом и лицом не хуже врага. – Если бы не бал...

– Прекрасно тебя понимаю, – без улыбки сказал Торн. Высокий, очень тонкий, он казался хрупким, но кому, как не Ритору, было знать убийственную силу этого утонченного мага. – Наверное, на твоём месте я поступил бы точно так же.

– Тогда чего же ты хочешь?

– Разговора. Ритор, отсюда тебе не уйти.

Ритор ощутил пробежавший по спине холодок. Что такое? Неужели?..

Они миновали коридор. Открылся громадный зал (нечего сказать, хорошая работа, хоть и слишком много подражаний эльфийскому), нарядная толпа возле столиков с угощением, роскошный оркестр, настраивающий причудливые духовые инструменты (струнные и клавишные Кошки отчего-то не признавали), и все это в хрустальном росистом блеске, в густом золотом отливе листвы, в легком дыхании свежего ветерка...

И в журчании текущей воды. В зале Лой Ивер все Стихии представлены были в равных долях.

– Тебе не уйти от Лой, – настойчиво повторил Торн; острый подбородок его совершал какое-то сложное движение, словно волшебнику Воды невыносимо жал свободный синий воротник. – Ты должен понять. Дело зашло слишком далеко, чтобы думать о сохранении каких-то глупых традиций. Выбирай, Ритор, – или мир, или традиции. Мы не можем выпустить тебя, даже ценой пролития крови у Кошек.

– На вас ополчатся все до единого кланы, – только и смог выговорить маг Воздуха.

– Ошибаешься. – Торн не забывал светски раскланиваться со встречными и ослепительно улыбаться, отпуская дежурные комплименты дамам. Ритор угрюмо брел рядом, уставившись в пол. – Ошибаешься, о Убийца Дракона. Далеко не все. Единства как не было, так и нет; а нам найдется что рассказать, если кто-нибудь дерзнет требовать ответа. Нам станут мстить ваши друзья, это так; но с ними мы сумеем договориться. Хотя, конечно же, – он деланно вздохнул, – путь сюда нам будет навек заказан. Впрочем, он будет заказан и так, если ты осуществишь задуманное и вызовешь в наш мир Дракона.

– Дракона нельзя вызвать, – с глухой тоской сказал Ритор. – Он приходит сам, когда настает его время...

– Это мы уже слышали, – насмешливо возразил Торн. – Собственно говоря, Ритор, и у тебя, и у нас цель одна. Если отбросить высокопарные фразы, ты ведь тоже стремишься к власти. К неограниченной власти над кланами Срединного Мира. И ты полагаешь, что, собрав как можно больше союзников-магов, сумеешь каким-то образом убедить Дракона в своей, скажем так, полезности. Очень разумный план, ничего не скажешь. Крылатые Властители всегда жаловали за верную службу, правда, предателей они тоже презирали. Как и мы, кстати. Ну, что ты дернулся? Хочешь вклеить мне пощечину, простую оплеуху без всяких там магических изысков? Правда от этого не пострадает, Ритор.

– Чего ты хочешь, Торн? – Ритор славился выдержкой. Но на сей раз ее запасы пришлось израсходовать все без остатка.

– Я просто получаю удовольствие, взирая на твою перекошенную физиономию. Я оскорбляю тебя, я смеюсь тебе в лицо, а ты только и можешь, что бессильно скрипеть зубами. Потому что и ты, и я знаем – все, мной сказанное, правда.

– Лжешь, Торн, – с неожиданной усталостью безразлично сказал Ритор. Безразличие далось ему очень дорого, но об этом предводителю Воды знать было не обязательно. – Сам ведь знаешь, я никогда не стремился к власти, хотя, видят Ветры, мог бы. И ты знаешь, что только Дракон способен спасти нас от нашествия Прирожденных. Особенно если их возглавит Дракон Сотворенный.

– У нас есть чем ответить их Дракону, Ритор. Тебе ли забывать?

– Я уже слишком стар. Я истратил все, что было дано мне. Да и кто знает, поможет ли наш Убийца, Торн? Кто знает, что вложат Прирожденные в свое чудовище? Слишком серьезно все на этот раз. Только Сила. Чистая Сила, вот что может спасти Срединный Мир. Так почему же ты стремишься помешать мне? Боишься моего «диктаторства»? Вздор, ты для этого слишком умен и слишком давно со мною враждуешь. Не звенит ли в твоих карманах кое-что с родины, Торн?

– Ты хочешь сказать, не подкупили ли меня Прирожденные? – ничуть не обидевшись, весело рассмеялся тот. – Ну, едва ли мое слово многое значит для тебя, однако все ж скажу – нет, я не подкуплен. Просто я слишком хорошо знаю, кто такие Драконы.

– Я это тоже знаю, – сухо сказал Ритор. – Я помню и злобу, и ярость, и бессердечие Властителей. Потому я согласился... тогда. Но нельзя убить всю Силу мира. И не нужно, наверное...

– Клан Воды не пойдет больше ни под чью руку, сколь бы доброй и милосердной ни казалась она вначале, – серьезно ответил Торн. – Будь это Прирожденные, Властители или же наилучшие из нас, магов. Запомни это, Ритор. Мы будем драться. Ради этого мы выследили и взяли Огненных, первыми пролили их кровь. Потому что столкнись ты с ними – и новый Дракон, могущественный, почти неуязвимый, предъявил бы свои права на трон. Да, мы позвали Убийцу! Он уже в пути.

Так что, Ритор, даже если твой замысел исполнится – каким-то чудом, ибо тебе предстоит умереть, зала окружена, – нового Владыки над нашим краем не будет. Я достаточно четко выразился, почтенный Ритор?

– Более чем, – ответил волшебник.

– Тогда, – Торн сделал широкий жест, словно хозяин бала, – пользуйся случаем! Ешь, пей и веселись, ибо только так, в веселии духа, должно уходить из жизни истинному магу. И мой тебе совет – сходи наконец к девочкам. Эти кошечки – м-м-м! – Он прищелкнул языком и закатил глаза, словно продавец рабов на невольничьем рынке. – Думаю, успех тебе обеспечен, только смотри, не перетруди чресла раньше времени. – Предводитель клана Воды внезапно оборвал разговор, резко свернув в сторону.

Только теперь Ритор понял, что на них с ужасом смотрит весь огромный зал.

Глава 3

Спать на полу – развлечение для молодых. К утру Виктор это решил однозначно. Не то чтобы болели спина или бока, но и отдохнувшим он себя не чувствовал. Еще безумно раздражало, даже сквозь сон, отсутствие края кровати. Наверное, человек всегда боится свалиться на пол. А когда такая возможность отсутствует – подозревает что-то неладное.

Уже просыпаясь, но еще не открывая глаз, Виктор перевернулся на спину. Да, попона боевого коня, наверное, поудобнее тощего одеяла...

Попона боевого коня!

Он вспомнил сон – мгновенно и ярко. Умиравший белый конь. И его рука с кинжалом. Мерзко. Ему редко снились такие красочные и неприятные сны. А вчера, после появления Тэль...

А здесь ли она еще?

Виктор открыл глаза. Окажись квартира пустой, он бы испытал облегчение. Даже если девочка прихватила бы с собой сгоревший телефон, самовыкручивающуюся пробку и прочие сокровища.

На тахте и впрямь никого не было.

Виктор встал, машинально заправляя майку в трусы, прислушался. Полная тишина. Ну вот, самый примитивный поворот событий оказался верным. Проверить, на месте ли деньги?

И тут на кухне что-то легонько звякнуло.

Мгновение поколебавшись, Виктор все же натянул вначале джинсы, а только потом выглянул на кухню.

Тэль стояла у плиты. Под сковородкой горел газ. Девочка просто что-то готовила.

Что-то очень странное.

– Доброе утро, – выдавил Виктор, испытывая легкое разочарование. Лучше бы бумажник сперла...

– Доброе, – согласилась Тэль не оборачиваясь. Выдержка у нее была потрясающая. Или она умела видеть затылком. – Я завтрак готовлю.

Виктор подошел к плите. Мрачно посмотрел на сковороду.

Кажется, это была яичница. Со скорлупой. Также в сковороде угадывались куски сплавившегося сыра, ломтики колбасы, мелко крошеные кусочки хлеба и чахлые веточки укропа.

– Спасибо, – только и сказал Виктор. Все-таки девочка больна.

Выдержки у него хватило даже на то, чтобы начать есть жуткую стряпню. Как ни странно, оказалось вкусно. Вот только необходимость вылавливать кусочки скорлупы...

– Все ешь, – строго сказала Тэль. – Скорлупа тоже полезна.

Происходящее начало его понемногу забавлять. Дней через пять он уже сможет рассказывать эту историю со смехом. И даже добавит пару-другую причуд к характеру бедной девочки.

– Я постараюсь, – пообещал он.

Больше всего Виктора тревожила мысль, не забудет ли Тэль о вчерашнем решении отправиться домой. Мало ли, может быть, ей уже понравилось?

– Пора, – она снова угадала его мысли. – Ты обещал меня проводить, помнишь?

– Конечно. – Виктор с облегчением и в то же время – вот ведь незадача! – со странным чувством обиды поднялся из-за стола. Значит, даже для чокнутых девочек он не представляет никакого интереса!

– Я помою посуду, а ты пока собирайся, – обронила Тэль.

– Оставь, я потом сам уберу.

– Нельзя.

Пока девочка гремела на кухне посудой, Виктор выбрал из шкафа рубашку посвежее, проверив мимоходом, на месте ли деньги, очень надежно и оригинально спрятанные под стопкой простыней. Натянул легкий свитер – за окном было солнечно.

– Ты готов? – требовательно спросила Тэль.

Виктор устало посмотрел на нее. Хорошенькая девчонка, и глаза нормальные. Будь они и впрямь зеркалом души...

– Ничего не забыл?

– Шнурки погладить.

Тэль нахмурилась:

– Зачем?

Виктор вздохнул:

– Иди сюда.

Без лишних церемоний он развернул девочку боком, взялся за свитерок – тот, кстати, оказался аккуратно заштопанным, надо же, нашла иголку и нитки, – закатал вверх. Пластыря не было. И шрама тоже. Чувствуя, что сходит с ума, Виктор развернул Тэль – та послушно вертелась в его руках.

Бред. А что же он вчера обрабатывал перекисью? Нарисованный порез? Угу. Не первый же год имеет дело с ранами!

– Тэль, – деревянным голосом сказал Виктор. – Где твоя рана?

– Заросла.

– Я серьезно.

– Я тоже.

Статьи про экстрасенсов, усилением воли затягивающих раны, – это для газет. Но что делать, когда собственные глаза подтверждают – нет никакого пореза! И не было никогда! Кожа чистая и розовая, как у младенца.

Виктор с легкой опаской отстранился от девочки. Спросил:

– А ты одна домой не доберешься?

– Ты же обещал, – с ноткой обиды сказала Тэль.

– Ну... да...

– Пошли. – Девчонка была непреклонна.

– Так что с твоей раной? – В конце концов, это даже просто интересно. Хилер она филиппинский, что ли?

– У меня вообще все очень быстро заживает, – нехотя сообщила Тэль. – Давай об этом у меня поговорим, ладно? Как только придем.

Первым побуждением Виктора было махнуть рукой на все обещания и просто выставить малолетнюю нахалку из квартиры. Раны на ней быстро зарастают, видите ли! Не бывает такого, не бывает! Не бывает, и все.

– Ты обещал, – тихонько сказала Тэль. Глаза, миндалевидные, словно на персидской миниатюре, обиженно прикрылись.

Ох уж эти мне девчонки!

– Идем.

Никогда не спорьте с женщиной, даже если ей всего тринадцать. Особенно если ей тринадцать...

...Было воскресенье, да вдобавок еще и солнечное. В метро – давка. Тэль притиснули к Виктору; и, невольно напрягаясь, чтобы уберечь ее от напора разгоряченной, остро воняющей потом толпы, он неожиданно уловил ее собственный запах – чистый-чистый, словно над ромашковым лугом. Из глубины памяти вдруг всплыло: что-то похожее он уже ощущал – в доме бабушки Веры.

Откуда же ты взялась, Тэль? Понятно, тебе среди «мерсов» и казино делать нечего. Впрочем, и в серых, грязных, спивающихся деревеньках – тоже...

Доехали до «Щукинской», вышли. Влезли в трамвай. Потянулись далее.

Мало-помалу подступало удивление. Впереди только Серебряный Бор, там обитают нью рашнс. На их доченьку Тэль тоже никак не походила.

– Куда мы...

– Молчи! – резко и сердито отрезала Тэль. – Нас могут ждать.

– Кто?

– Молчи! – Она сверкнула глазищами.

Ну разве взрослый, поживший и повидавший человек станет так просто подчиняться тринадцатилетней соплячке? Отвесит шлепка по задку, и вся недолга.

Однако Виктор почему-то и в самом деле умолк.

Миновали нудистский пляж. По песку прыгала компания голых мужиков – играли в волейбол. Зрелище, понятно, комичное, но обилие голых женщин и детей, загорающих рядом, придавало ему будничный оттенок.

Так и просилось на язык ядовитое «нам, надеюсь, сюда?», но Тэль лишь сдвинула брови, и шутить Виктору отчего-то расхотелось.

Они шли по какой-то тропке. Поразительно пустой для такого дня.

– Теперь смотри внимательно, – объявила Тэль. – Взять нас на переходе – самое для них лучшее. Никаких следов. Ни там, ни здесь. Если что-то случится, падай на землю и голову закрывай. Я сама со всем управлюсь.

– У тебя что, черный пояс? – осведомился Виктор. В свое время ему довелось немного позаниматься, он, конечно, не Чак Норрис или Брюс Ли, но за себя постоять сумеет. Если, конечно, их не десять человек с автоматами. Или мечами.

– Молчи, пожалуйста! Ведь я тебя просила! – Она обращалась с ним точно старшая сестра с несмышленьшим-братишкой.

Дорожка делала поворот, сбегая вниз с невысокого холмика. Тэль остановилась.

– Если что случится, падай на землю и береги голову, – повторила она.

– Да понял я, – досадливо отмахнулся Виктор. Не хватало еще, чтобы эта пигалица все время поучала.

– Девять. Восемь. Семь, – Тэль начала считать шаги. Виктор прикинул – десять шагов как раз где-то за поворотом, где тропинка петляет по склону вниз.

– Шесть. Пять. Четыре.

Девчонка была необычайно, сверхъестественно сосредоточенна. Если это игра, верит в нее она всерьез.

На плечи внезапно упали несколько ледяных капель. Машинально Виктор поднял глаза – туч и в помине нет, небо чистое, солнце сияет, как по заказу.

– Бежим! – крикнула Тэль. Схватила за руку, опрометью ринувшись за поворот. Недоумевающий Виктор побежал следом.

На головы обрушился настоящий ливень, даже в глазах потемнело. Взвыл ветер. По спине побежали холодные струйки.

– Скорее! – взвизгнула Тэль. Лицо ее перекосилось, словно от боли. Мокрая до нитки, она разом утратила всю свою загадочность. Обычная девчонка, угодившая под дождь.

Руки ее затанцевали над головой. Виктору показалось, между пальцев с золотистыми ногтями проскользнуло несколько искр.

Черт возьми, что происходит?

Они побежали вниз по дорожке, мгновенно раскисшей и превратившейся в настоящее болото. Из-под ног Тэль фонтанами летели брызги, она проваливалась едва ли не по щиколотку.

Виктор не успел даже удивиться тому, что сам он бежит нормально, лишь чуть поскальзываясь. Странно, весит-то он куда больше девчонки, это ему положено вязнуть...

Из-за дождя он смотрел вниз, а не по сторонам. И, наверное, просто угадал, когда надо поднять голову.

Они появились и справа, и слева, восемь промокших фигур в линялых тренировочных костюмах, какие носит собирающая дань с мелких торговцев «братва».

– Стой!

Тэль схватила Виктора за руку. Потасила за собой с такой силой, что он едва не упал.

– Бежим! Скорее! – взвизгнула девчонка. На миг она обернулась – лицо все в крови. Мелкие, как от булавочных уколов, алые капельки. Откуда?

– Стойте! – закричали несколько голосов.

Черт возьми. Виктор никогда не обольщался насчет возможности одного человека справиться хотя бы с тремя. Останавливаться желания не возникло. Ни малейшего.

Они бежали вниз по тропинке. Тэль, чье лицо превратилось в разукрашенную кровью маску, по-прежнему задавала темп. Вот только не успевали они, никак не успевали – по скользкому склону быстро не спустишься. Разве что...

Мысль была столь безумной, что Виктор даже не стал рассуждать. Рванулся, нагоняя Тэль, толкнул ее, подбивая под коленки. Девчонка возмущенно и протестующе крикнула, но уже падая на спину в жидкую, скользкую грязь. Виктор упал рядом.

Они катились, скользили вниз по раскисшей, обратившейся в кашу дорожке. Мокрые, все в грязи, словно по желобу аттракциона в аквапарке – вниз, вниз, вниз. За спиной что-то были преследователи; дождь усилился, хлестал, точно плетью, по дороге вниз катился уже настоящий поток, словно сель в горах, беглецов закрутило. Да что же это такое творится?!

С того самого мига, как Тэль, взвизгнув, потасила его за собой по тогда еще сухой тропе, Виктор действовал словно автомат, не рассуждая, не удивляясь, не раздумывая, словно кто-то внутри него все уже знал наперед. А может, так оно и было?

А небо над ними оставалось чистым. Дождь возник сам собой, из ничего. Бывает. Так же как самовыкручивающиеся пробки.

Как ни странно, но Виктора почему-то не отпускала совершенно неуместная и глупая мысль – как отнесется Тэль к его неожиданному поступку. Почему-то он был уверен, что этот скоростной спуск спас им жизнь. И все же...

Он успокоился, лишь услышав смех Тэль. Заливистый и радостный. Словно ее лицо не покрывала кровь, а тело грязь. В движении Виктор удерживал плечо Тэль и даже ухитрился подтянуть ее ближе, страхуя голову. Пока под ними была липкая жижа – ущерб был больше моральным, чем физическим, но первый попавшийся камень или корень могли все изменить.

А потом небо – чистое голубое небо, с которого лил неуместный дождь, вдруг стало серым. И они слетели с тропинки, буквально вывалились во что-то мягкое, рассыпчатое, влажное.

В целую гору опавших осенних листьев.

Замерев, Лой Ивер прижала тонкие пальцы к вискам. Конечно, она не слышала, о чем говорили Ритор и Торн. Оба волшебника, не сотворив ни единого заклинания, окружили себя непроницаемой стеной. И уже одно это могло напугать до полусмерти кого угодно. Клан Воздуха старался ни с кем не враждовать. Но Ритор избегал светских игр Лой совсем по иным причинам, нежели простое нежелание столкнуться с врагом лицом к лицу. Лой понимала – сейчас и Ритор, и Торн доведены до крайности, на кон поставлено все, и пошла игра без всяких правил. Она чуяла убийство.

– Лой! Лой, что происходит?! – Хор возник рядом неслышной тенью. В доспехах, а отнюдь не в бальном наряде. – Я выслал дозорных, кругом полным-полно Воды. Уже полночь,

их Сила растет, а Торн привел самых лучших. С такой массой нам не справиться, просто задавят магией. Лой, что случилось? Ты опять поцеловалась не с тем, с кем надо?

– Напротив, Хор. Похоже, мне сейчас придется срочно целоваться... Милый, ты ведь отвернешься, правда? – Даже сейчас она оставалась сама собой.

– Неужели они хотят... – Хор осекся.

– Если только я хоть что-нибудь понимаю – да, – ответила Лой. – Я пойду к ним, Хор. А ты поднимай наших.

– Незаметно взять на прицел всех Водных? – деловито осведомился Хор. Он слыл непревзойденным мастером рукопашного боя, стремительных и быстротечных схваток в темноте, когда непонятно, где враг, где друг. Но в вопросах, кому именно следует первым вогнать под веко крошечную отравленную стрелку, он полностью доверял Лой, и она никогда не ошибалась. Схватка с испытанными бойцами Торна могла стать началом конца клана Кошек; но кто может сказать, что Хор испугался?!

– Ты с ума сошел, – схватилась за голову Лой, не жалея тщательно уложенной прически. – Вот это точно – оскорбление. Наоборот, пусть они нас видят. Пусть поймут, что мы будем сражаться. До конца. А я... я сейчас обращусь к гостям. Я скажу, что происходит. И еще... придется сделать кое-что еще. Только ты, пожалуйста, не обижайся. Ради блага клана! Как приятно, что порой благо клана совпадает с собственным желанием...

– Когда-нибудь я убью их всех, – бессильно прорычал Хор. – И притом без всякой там магии!

– Не делай глупостей, милый. – Она привстала на цыпочки, легонько поцеловала в висок, словно сестра. – Выводи наших. А я приготовлю самую горячую речь... нет, только все испорчу. Гостям пока говорить ничего не стану. Не медли, милый! И не пожирай меня глазами. Действуй!

Ритор в задумчивости стоял у теплого, словно живая плоть, центрального ствола. Чародеи тем и отличаются от обычных смертных, что умеют думать в любой ситуации, воспринимая даже угрозу собственной жизни всего лишь как еще одну тему для размышлений... Торн, конечно же, не шутил. Он не умел шутить, этот ловкий и удачливый предводитель клана Воды, талантливый волшебник, почти что прирожденный маг. Он знал, чего хотел, и твердо шел к цели. Когда надо, напролом, а когда и лавируя. О, он вовсе не был таким книжным злодеем, властолюбцем, тираном и все прочее. Он просто хотел сохранить существующий порядок вещей... или все-таки нет? Отчего Торн так упорно обвинял его, Ритора, в намерении узурпировать власть? Не потому ли, что сам втайне стремился к этому? Да нет, вздор. Ритор даже рассмеялся. Многие в прошлом пытались создать в Срединном Море единое королевство. Невозможно. Вода не возобладает над Огнем, а Земля – над Воздухом. Даже Крылатые Властители так и не озаботились придать хотя бы видимость единства рыхлому сообществу кланов, хотя уж Драконы-то как раз и не встретили бы сопротивления...

Он подумал, так и тотчас оспорил себя. Не встретили бы сопротивления? А сам он, Ритор?

Так что же ты задумал, Торн? Взыграла давняя человеческая гордыня – мол, все до меня дураки, один я знаю, что и как делать? Едва ли, ты более чем неглуп. Или ты возомнил себя спасителем мира? Но даже если ты справишься со мной, что возможно – сейчас ночь, моя Сила падает, а Сила Воды растет, Прирожденных тебе не остановить. А это значит, что мне, Ритору, погибнуть сейчас никак нельзя. Я с радостью отдал бы жизнь – даже тебе, Торн, – если б это спасло нас от вторжения. Но – не спасет. Когда орлиноголовые корабли выйдут из дымки, нам останется только одно – умирать с честью. Но если Прирожденных окажется слишком много, то не будет и этого.

Значит, надо прорываться, буднично решил Ритор. Ох, как же мне надоело это занятие. Кажется, ты не прожил ни одного дня без того, чтобы не прорываться куда-то. И все это считается высшей доблестью. Ты прорывался, когда судьба Убийцы Дракона казалась полной лишь сверкающих алмазных путей славы и героизма. Тогда ты был молод, жесток и глуп. Потом ты прорывался, преследуя по всей стране последнего, уже раненного тобой Крылатого Властителя. Последнего из некогда могучего рода. Потом ты... Впрочем, хватит вспоминать. Вот идет Лой Ивер, очаровательная Лой, о чьей чувственности и темпераменте прыщавые юнцы рассказывают друг другу срамные истории, краснея, пыхтя, сопя и чуть ли не кончая прямо в штаны.

Ритора окутало мягкое облако теплого аромата – Ивер славилась благовониями своего собственного изготовления. Быстрый взгляд из-под полуопущенных ресниц, едва заметный поворот упругого бедра, мелькнувшие на миг ямочки – и что это с тобой, Ритор? У тебя пересохло в горле? У тебя закололо сердце? Твой вороватый взгляд тщится проникнуть поглубже в острый вырез ее платья? Ты жадно смотришь на ее ноги, открытые выше колен?

– Этого не стоит стыдиться, – сказала Лой. Она была невероятно серьезна. – У тебя своя сила, а у меня – своя. Ритор с трудом отвел взгляд.

– Ты смешной человек, Ритор. Могушественный маг краснеет, как мальчишка, глядя на мою грудь. У тебя были плохие любовницы, Воздушный.

– Зачем ты говоришь мне это, Лой? – Если она заодно с Торном и хочет вывести его из себя, это ей не удастся.

– Я думаю об этом сейчас. И говорю тебе. С таким мастером, как ты, нет смысла что-то скрывать. Может, не стоило так презирать моих кошечек, мэтр?

– Какое это имеет значение? – невозмутимо спросил Ритор. Ей не удастся вызвать в нем гнева.

– Значение имеет только то, – с внезапной резкостью сказала Ивер, – что вы с Торном собираетесь устроить тут потасовку. Мне плевать, из-за чего вы хотите драться – вы, Стихийные, просто помешаны на своих предрассудках, – но здесь я крови не допущу. И не допущу, чтобы тебя убили. Торн привел с собой слишком многих. Это будет не поединок, а убийство. Я хочу, чтобы ты ушел отсюда живым, Ритор.

– Почему? – хладнокровно спросил маг, и Лой невольно закусила губу – пробить эту ледяную глыбу казалось невозможным. Ну, разве что начать заниматься с ним любовью на глазах всего зала. Забавная мысль... но тут уж не выдержит Хор.

– Потому что как мужчина ты нравишься мне больше Торна, – ядовито сказала она, поворачиваясь к нему спиной. Как бы то ни было, цели она достигла. Ритору пришлось успокаивать свой гнев, тратить силы. Непроницаемая защита на краткий миг дала трещину. Разумеется, и десяток таких, как Лой, не смогли бы причинить ему никакого вреда, однако кое-что она понять успела.

Именно Торн хотел убить Ритора. А не наоборот.

Что и требовалось доказать.

* * *

– Все готово. Хор.

– Начинаем.

Ночь ожила.

– Эй, вы! – надсаживаясь, гаркнул Хор. – Которые тут из Воды! Вот что я вам скажу, Стихийные! Шли бы вы лучше к нам, у нас тепло, весело и сухо! Потому что сделать вам ваше дело мы все равно не позволим. Нас вдесятеро больше, и, даже если каждый из вас убьет девятерых, десятый его все равно прикончит. Голыми руками, без всякого оружия. Ну что, шпаги в ножны? Или будем драться?..

Темнота молчала.

– Мэтр Торн... – Лой церемонно присела, так, чтобы ему было удобнее заглянуть ей за край глубокого декольте. – Какая честь для нас...

– Брось, Лой. – Она заметила, как он нервно облизнул губы. – С каких это пор я стал «мэтром»? Просто Торн, это только Ритор у нас так любит официальные титулования...

– Тогда давай потанцуем, Торн. – Она грациозно опустила руку к нему на плечо.

Бал клана Кошек был уже в полном разгаре. Гости успокоились. Два могущественных мага разошлись, внешне – вполне мирно. Никому больше не было никакого дела до Ритора и Торна – никто не знал о случившемся с кланом Огня, никто не знал и о чем говорили волшебники. Наигрывала музыка; мягко кружились пары. По густой листве металась алая, серебристые и голубые отблески. Дебютантка из клана Воды танцевала без перерыва.

Торн и Лой вошли в круг. Тонкие пальцы Ивер тотчас легли на жилистую шею волшебника. Он вздрогнул.

– Что это с тобой, любезная хозяйка?

Лой знала, что у нее совсем нет времени. Хор уже начал действовать, а это значило, что Торн в любой момент может получить сигнал тревоги. И заглушить его можно было лишь одним-единственным способом. Кроме того, с ним долго притворяться было невозможно. Только стремительный натиск, как бы нелепо это ни выглядело. Впрочем, ее опыт говорил, что именно нелепостям мужчины верят легче всего.

– А что ты скажешь, если узнаешь – развратница Ивер очень хочет выяснить, каков же в деле настоящий маг? – Она сделала ударение на слове «настоящий». Сквозь тонкую ткань платья она ощутила, как ладони его мгновенно стали горячими. Он судорожно сглотнул.

«Еще один мальчик, – с легким презрением подумала Кошка. – Неужели высшая магия Стихийных и впрямь требует от своих адептов столько сил, что на самый обычный секс не остается времени?»

Голова Торна резко дернулась – трудно было различить согласный кивок в этом торопливом движении.

– Тогда пойдем, – шепотом сказала Лой, теснее прижимаясь к нему. Они растворились в стене бального зала.

Крошечный закуток был специально создан Лой Ивер для таких вот стремительных свиданий. Тут был сумрак. Торн стоял, уронив руки и тяжело дыша – ну точь-в-точь неопытный мальчик перед первой в его жизни ночью. Она усмехнулась – насколько же сейчас больше ее сила!

– Смелее, мэтр, – улыбнулась она, одним движением освобождаясь от платья.

Он схватил ее, точно тонущий – спасательный круг.

– Ну же... – хрипло прошептала она.

Маг терял голову, и это было хорошо.

Торн прижался к ней.

– А теперь скомандуй своим выпустить Ритора, – нежно промурлыкала Ивер. Сталь сверкнула возле самого горла Торна; острие оцарапало кожу.

– Ч-что?! – Казалось, он сейчас рухнет бездыханным.

– Мне не нужны трупы на балу, – резко сказала она. – Ты хотел убить Ритора. Я не допущу этого. Сводите счеты где угодно, но не на моих землях. Ты понял, Торн? Скомандуй своим людям отступить. Слышишь? Иначе, клянусь, я перережу тебе глотку. Что потом будет со мной, ты уже никогда не узнаешь. – Она вновь коснулась лезвием его горла.

Торн захрипел.

– Сука...

– Не стоит ругаться, – мягко сказала она. – Ты не оставил мне выбора. Командуй! Несколько мгновений он колебался, и Лой подумала, что он и в самом деле не из трусливых.

– Хорошо! Ты победила... сейчас.

Она почувствовала волну магии.

– Готово...

– Послушай, как тебе это удалось? – мрачно спросил Хор, когда они кончили заниматься любовью.

Лой пренебрежительно фыркнула.

– Для настоящего мага он слишком сильно хотел жить, – сказала она. Словно плюнула в лицо невидимому Торну.

Было у американцев когда-то такое наказание – обмазать преступника в смоле и вывалить в перьях. Виктор никогда не мог сообразить, в чем же воспитательный эффект такого мероприятия?

Кажется, сейчас он начал это понимать. Вымазанный с ног до головы в грязи, облепленный листьями, Виктор стоял перед хохочущей Тэль и никак не мог решить – что же ему делать. Смеяться, плакать, удирать или отшлепать эту несносную девчонку, втянувшую его Бог весть во что?

Все-таки он выбрал смех. Уж очень нелепо выглядела Тэль. Как и он, впрочем. Виктор протянул руку, снял со щеки девочки прилипший лист.

– Как ты это придумал? – спросила Тэль.

– Ты же сказала, если что случится – падай, – невозмутимо ответил Виктор. – Вот. Я послушный.

Тэль снова хихикнула, уже тише. Виктор огляделся.

Полная чертовщина. Они были в лесу, и не в окультуренном грязеньком подмосковном лесочке, а в нормальном, воскрешающем в памяти картины Шишкина. Холм, с которого они скатились, вроде бы наличествовал... вот только никакой тропинки Виктор на нем углядеть не мог. Небо, только что бывшее голубым, затягивали плотные тучи.

А самое главное – вокруг царилась осень. Непоздняя, наверное, потому что было не так уж и холодно, но именно осень. С деревьев почти полностью облетели листья, лишь на вершинах осталось чуть-чуть бурого и желтого цвета.

И тихо. Очень тихо. Никогда так не бывает рядом с пляжами и прочими местами отдыха. Всегда находится придурок, решивший, что в нем гибнет певческий талант, или компания, включающая магнитофон на полную мощность...

– Где мы, Тэль? – спросил Виктор. Вопросы, где их странные преследователи, даже не возникло. Он просто чувствовал, что поблизости их нет.

– Дома. У меня дома. – Тэль провела ладошкой по лицу, стирая остатки крови. Ран не было.

– У тебя дома? – Виктор произнес эти слова медленно, по слогам. Только так и можно было заполнить звенящую пустоту, оккупировавшую сознание. Он не мог ни о чем думать. Не верил. Не мог поверить.

– Ну да. Ты обещал проводить меня домой.

– И... и где он, твой дом? В Серебряном Бору?

– Нет, – Тэль зябко обхватила руками тонкие плечики, – гораздо дальше.

– Ага. Параллельные миры. – Виктор попытался ехидно усмехнуться, правда, получалось это у него не слишком.

– Называй как хочешь. – Тэль безуспешно попыталась убрать с лица пропитанную грязью прядь. – Пойдем, тут неподалеку озерцо. Вымоемся.

– В такой холод?! – с ужасом произнес Виктор.

– Иначе замерзнем, – наставительно произнесла Тэль. Холод с каждой минутой все крепче вцеплялся в их мокрую одежду невидимыми когтями.

– Бежим! – Тэль потянула Виктора за руку. И они вновь побежали.

Осенний лес многозвучен и мягок. Он обволакивает тебя, ты погружаешься в него, растворяешься в нем, и вот – уже не идешь – летишь, не чувствуя ног. С Виктором такое случилось нередко – даже в хилых и замусоренных перелесках «ридной Подмосковщины». Здесь же лес с первого мгновения, с первого вдоха вошел в него; все казалось странно знакомым, хотя многих деревьев Виктор узнать не мог. Вот, скажем, это, корою – граб, а листьями – чистый клен. Или вот – похожее на ольху, а длинные серебристо-золотые сережки на ветвях и вовсе ни к селу ни к городу.

Лес был чужим... и не был. Они с Виктором встретились словно два брата после очень, очень долгой разлуки.

Виктор и Тэль бежали по мягкому ковру палой листвы, проскальзывая сквозь облетевшие кустарники, мимо давно павших лесных исполинов, уступивших свет, воздух и землю молодым. Так бывает всегда, и нечего горевать об этом. Смерть есть орудие Жизни – не более того.

«Пьян я, что ли? Или это от холода?» – мелькнуло у Виктора. Сознание плыло. Гасло, растворяясь в тысячах лесных голосов, что со всех сторон нашептывали ему свои песни. Слов он не понимал... пока откуда-то из небытия вдруг не проступило лицо бабушки Веры. Да! Да, они вот так же бежали по ноябрьскому облетевшему лесу, прозрачному и звонкому, уже готовому принять снежный саван – после того, как Виктора слегка засыпало в каком-то овраге. Бабушка уронила туда свой серебряный медальон – единственное, пожалуй, украшение, с которым не расставалась. И он, со всей беззаботной детской готовностью помочь бабушке, стал спускаться по скользкому склону...

Странно. Словно повторяется все. Только нарастает, выходит на какой-то новый, более крутой виток спирали. Ведь и бабушка первым делом потащила его отмываться, и он, повизгивая от холода и восторга – мама никогда бы такого не позволила! – плескался в ледяной воде. А бабушка разводила на берегу костер – там, к счастью, оказалась целая гора валежника...

– Виктор, почему ты не стал с ними драться? – спросила на бегу Тэль. – Почему решил убежать?

– Бой без шансов на победу – удел дураков, – ответил Виктор. Никогда в нем не было тяги к таким вот красотам, но в сказочном осеннем лесу слова показались уместными.

Тэль кивнула. С осуждением? С одобрением? Или просто – констатируя факт?

– Сейчас будет озеро, – сообщила она.

И как она здесь ориентируется? Действительно, местная.

Озеро исправно показалось, блеснуло серой сталью воды.

– Прыгай! – Тэль рванулась, словно и не отмерили они только что без малого километр. – Прыгай сразу, а то духу не хватит!

И, подавая пример, с разбегу влетела в озеро.

Впрочем, нет, не влетела – слилась с ним, без всплеска и брызг уйдя под воду с головой. А вот Виктор плюхнулся, словно бегемот.

Ледяная вода, казалось, жжет большее настоящего пламени. «Сердце остановится, дуралей!» – запоздало подумал Виктор.

Но сердце и не подумало останавливаться.

Тэль неожиданно оказалась рядом – требовательный взгляд впился ему в лицо. Неожиданно Виктор понял, что не чувствует холода. И воды вокруг себя тоже. Словно он стал частью этого ледяного озерца – а потом вода и вовсе исчезла, обратившись в серую туманную дымку, и

солнце неожиданно оказалось рядом. Далеко внизу раскинулась земля – яркая, зеленая, голубая и коричневая.

... Сердце яростно гнало кровь по жилам. Могучие мышцы, застоявшись, требовали боя. Тела своего он не видел – да и ни к чему оно было ему сейчас. Там, внизу, вздымались башни города – они росли, близились, он мчался к ним, зная, что его там ждут.

...Город был поражен страхом. Он, только что паривший в поднебесье, гордо шествовал, незримый, по его улочкам, пустым, словно во время мора. Он – Судия. Ему должно было судить здесь. И покарать, если надо.

...Потом он внезапно очутился во дворце. Точнее, он понял, что узорчатые, покрытые мозаикой стены вокруг него есть стены дворца правителя. Здесь люди уже были. Сгрудившись в дальнем углу, они избегали смотреть на него. На него – кого? Он по-прежнему не знал. Тела своего он не видел, точно в компьютерной игре-стрелялке. Вот только это была не игра, и они это знали, и он знал, И в который раз, с удивлением и яростью, подумал – как смеют преступать законы те, кто не в силах противиться его воле, кто не смеет поднять сейчас взгляд...

...И когда, то ли в последней вспышке гордости, то ли в приступе страха, тот, кто правил этим городом и этими людьми, все же посмотрел на него – он улыбнулся. Улыбка его была смертью. Приговором и исполнением.

...Можно было сейчас развернуться и уйти. Им навсегда хватит этого страха, этого мгновения – никогда больше они не посмеют пойти против его воли. Или все же посмеют?

...Почему так холодно? Ведь вокруг огонь, горят стены резного дерева, горят мягкие подушки, разбросанные по полу, горят те, кто посмел преступить его волю. Почему же так холодно...

...Тэль неведомо как дотащила его до берега. Очевидно, он потерял сознание. Переохлаждение. И откуда у нее силенки? Виктор слабо пошевелился, приподнимаясь на локтях. Все вокруг казалось неправильным, нереальным, и он не сразу понял, в чем дело. Изменился масштаб. В бредовом сне он был великаном – или окружали его лилипуты.

На берегу горел костер. Как Тэль разожгла огонь? Мокрая, ни единой нитки сухой, не говоря уж о зажигалке или спичках.

Только теперь Виктор понял, что почти раздет. Джинсы, рубашка и все прочее исходили паром над огнем. Слава Богу, хоть трусы остались на нем, сумасшедшая девчонка была начисто лишена комплексов.

– Так не сушат, но что делать, – услышал он. – Иначе ты бы замерз.

– Тэль... – начал он. Эта девчонка положительно позволяет себе слишком многое! Даже после всего случившегося. А он так и не понимает, что происходит!

– Все хорошо. – Она закончила возиться с костром и быстро разделась. Ее собственные свитерок и брючки теперь болтались рядом с вещами Виктора. Наготы она, похоже, совершенно не стеснялась. – Ты ведь выбрал, так?

– Выбрал что? – не понял он.

Она выпрямилась, глядя прямо на него. Строго сказала:

– Я не должна знать, что именно, скажи только – ты выбрал?

Видение вернулось. На миг – он вспомнил пламя. Только жаркое пламя. Его выбор?

Виктор не сказал «да» – Тэль поняла сама. Кивнула удовлетворенно и швырнула в огонь новую охапку хвороста. Виктор заметил, что она оцарапалась. Впрочем, что ей это? У нее и настоящие раны заживают за ночь.

– Нельзя сидеть, – сказала Тэль. – Надо бегать, Виктор.

Он представил себе эту сцену – как они, голые, станут носиться вокруг костра, и помотал головой. Но Тэль не унималась:

– Вставай! Ну!

Виктор опомниться не успел, как она выхватила из костра тлеющую ветку, даже не ветку, прутик, с огненно-рдеющей точкой на конце, и стегнула его по спине.

– Ты! – Он даже не сообразил, как, забыв смущение, вскочил и бросился за Тэль. – Ну...

Пожалуй, догони он сейчас девчонку, шлепок бы она получила крепкий. Вот только ловить Тэль явно было делом бессмысленным. Через минуту, отделенная от него костром, девочка остановилась:

– Виктор! Мир?

Он молча погрозил ей кулаком.

– Надо, чтобы кровь разошлась, – серьезно сказала она. – Не дуйся. Извини.

– Я не умею извинять, – сказал Виктор. И не успел даже сам удивиться своим словам, злым, напыщенным и вместе с тем абсолютно искренним. Мир вокруг качнулся.

...Его охватывало пламя. Било, кусало, жгло. Злое, беспощадное и вместе с тем беспомощное. Он все равно был сильнее. Куда сильнее, чем все враги, вместе взятые. Но их атака, их злоба – все это требовало ответа. Достойного. Он плыл – в кипящем, покрытом пылающей огненной пленкой море. К длинным, узким кораблям, высоко вскинувшим над волнами мачты с черными парусами, и еще выше – орлиноголовые носы.

Он знал, что сильнее. И будет сильнее всегда...

– Виктор, – сказала Тэль. – Виктор...

Открыв глаза, он поймал ее кисть, а другой рукой выхватил из огня, не глядя, на ощупь, словно чувствовал пламя всем телом, тлеющую ветку. И легонько стегнул Тэль по плечу. Девчонка взвизгнула, вырываясь.

– Теперь – мир, – сказал Виктор.

Почему-то он был уверен, что если бы только Тэль захотела – увернулась без труда.

– Согрелся? – без перехода осведомилась Тэль, потирая плечо. – Одевайся и пойдем. Медлить нельзя, враги отстали, но не навсегда. Они найдут Тропу. А нам надо успеть к скалам до ночи.

– К скалам? – нервно усмехнулся Виктор. – Ну хорошо, можно и к скалам. Можно к горам. Или к морю?

– К морю мы пойдем позже, – серьезно сказала Тэль. – Сперва – к скалам. Идти не очень далеко, но дорога плохая. Слишком близко к Серым Пределам.

Пределы! Он знал... или ему казалось, что знает. Спросить Тэль?

Нет, он не станет ее расспрашивать. В этой игре – когда предполагалось, что он знает и понимает все, а на самом деле он не знал ничего – крылась своя прелесть. Пределы? Пусть будут Пределы. Серые – тем лучше.

Одевались они, повернувшись друг к другу спиной. Словно это сразу переводило все на деловые рельсы. Виктор кое-как выжал на себе плавки, натянул джинсы. Одежда просохла полностью, а вот в ботинках, сырых и съездившихся, ногам было неудобно. Но с этим пришлось смириться.

Глава 4

До владений своего клана Ритор решил добираться по воздуху. Не хватало еще после такого тащиться пешком! Час Силы уже ушел, но до полного ее падения оставалось достаточно времени, чтобы покрыть отделявшее Поющий Лес от Клыка Четырех Ветров расстояние.

Когда сработала магия и мягкие воздушные струи подхватили ставшее почти невесомым тело, настало время размышлений. Ритор досадовал на себя – его подозрения насчет Лой не оправдались, а маг очень не любил ошибаться в людях, тем более в тех, кого знал уже давно. Ивер не была причастна к предательству. Кто-то иной выдал Торну Огненных, быть может – и из их собственного клана. Не исключено, конечно, что предал и кто-то из своих. Такое тоже случалось, тем более что – Ритор знал – далеко не все даже в его собственном клане разделяли мысль о том, что Драконов надо вернуть.

Спокойно могли предать... так сказать, по идейным соображениям.

Предателя найти будет нелегко. Но без этого нечего и надеяться отомстить. Впрочем, оспорил сам себя Ритор, это уже никакая не месть. Это самая настоящая война. Клан Воздуха и клан Огня не были связаны никакими союзами, но за погибших Огненных Ритор намеревался посчитаться тоже. Торн должен умереть. А вместе с ним – все те, что были тогда в замке. Все, до единого. Несмотря на то что это, конечно же, ослабит кланы Срединного Мира накануне неминуемого вторжения Прирожденных. Крамолу надо сломить в зародыше. Никто не смеет думать, что клан Воздуха смирится с подобным.

Однако Ритор отдавал себе отчет, что силы кланов примерно равны. Может, он сам и чуть получше Торна – во всяком случае, открытого поединка маг Воздуха не боялся, но вот магов второго ряда у Воды куда больше, и они во многом опытнее. Сказываются соседство ленных владений с Серыми Пределами, немирные эльфы на границе, неуспокоенная нежить и прочее. Если бы не смерть Таниэля, братьев Клатт и Шатти... Хотя, если дело дойдет до открытой схватки – клан на клан – один, два или даже три лишних бойца роли не сыграют. В таком случае все решит случайность.

Вода и Воздух основательно ослабят друг друга, Огонь не сможет удержаться от мести, и вместо четырех Стихийных кланов врага в полной силе встретит лишь один – флегматики Земляные.

Этот расклад совсем уж никуда не годился. Даже если берег взорвется под ногами Прирожденных, горы стронутся с места и вулканы встанут на их пути – будет уже слишком поздно. Слишком. Корабли Прирожденных надо встречать в море, чтобы Срединного Мира достигли лишь жалкие остатки армады. Иначе не устоять.

Ритор заскрежетал зубами. Он удивлялся сам себе, вдруг проснувшейся в нем кровожадности... и вдруг вспомнил – вот именно таким, пьяным от предвкушения ливнем льющейся на него горячей драконьей крови был он, когда отправлялся в свой поход. Много лет прошло с тех пор, дурман боевого безумия, казалось бы, рассеялся – ан нет, дремал все эти годы где-то глубоко-глубоко, ждал своего часа.

Торн все рассчитал правильно, подумал вдруг Ритор. Воздух не станет мстить. Потому что с Прирожденными клан Воды тоже будет сражаться насмерть... если, конечно, брошенное в запале оскорбление Ритора насчет звонкой монеты с родины в карманах Торна не обернется страшной правдой.

Тогда останется только одно – умереть, сражаясь.

Если, конечно, не придет Дракон.

Но Торн уже вызвал его Убийцу... Едва ли волшебник Воды лгал. Маг его уровня должен понимать – правда куда более страшное оружие, а примененное в нужное время и в нужном месте...

У меня не хватает правдивых известий, с досадой признался сам себе Ритор. Наверное, Лой права, и услугами Кошек пренебрегать не следовало. Они, разумеется, хитры, коварны и во всем ищут собственную выгоду, но если уж сообщают какие-то сведения, перепроверять их не требуется никогда.

...Клык Четырех Ветров, или просто Клык, как называли его все, без исключения, обитатели Срединного Мира, вознесся высоко над зеленым речным крутояром. Уже возле самого устья Синяя Река, пробив горные стены, делала здесь широкую излучину, огибая пронзивший землю каменный утес. Здесь сходились горные леса и приморские дюны, здесь была южная граница кланов, дальше начиналось Горячее Море. К северу лежали горы, за ними – владения других кланов, Ферос – главный город Клана Земли. Теплые степи, перемежающиеся лесами, распаханная земля, городки, деревеньки, фермы и хутора. А еще дальше, за степями, за Зивашскими болотами, на сотни и сотни миль – страна, где живут и люди, и гномы, и эльфы, и еще те, чьи имена перечислять заняло бы слишком много места. Там – тоже города, ленные владения кланов, замки вассальных князей. Там тянется гномий Путь. А еще севернее, за кольцом Серых Пределов – необжитые, неизвестные земли, пустые и необитаемые. Никто из клана не хотел там жить, все, без исключения, выбрали теплое, ласковое взморье, так напоминавшее об утерянной родине. Дальний север остался незаселенным, и даже те, что приходили с Изнанки, предпочитали осесть южнее.

Леса служили обителью эльфам, горы – как и полагается, гномам. Прочертив страну железной нитью, пролег Путь; да вились желтыми змеями узкие тракты. Маги кланов, тем более Стихийных, захаживали туда редко. Только чтобы собрать полюдь – оброк, коим обложены все обрабатывающие землю, или занятые ремеслами, или содержащие свое дело, торговое, скажем, или питейное.

Клан же Воздуха обосновался возле этой скалы далеко не случайно. Клык являлся средоточием бурной и непостоянной магии аэра, здесь сталкивались набравшие разгон над бескрайней морской равниной ветры, здесь они встречали иные, собиравшие силу на горных высях; каменный клинок словно бы притягивал их, здесь они легко отдавали силу, здесь можно было взлететь даже в час полного падения волшебства прозрачной стихии.

Здесь учился летать Таниэль...

Ритор ощутил, как болезненно сжалось сердце, и тотчас же запретил себе думать о мальчугане. Его уже не вернешь. За него можно только отомстить. И хотя Ритор не раз и не два смеялся над глупыми суевериями, что, дескать, душа неотомщенного не может обрести покой, – сейчас он внезапно понял, что верит этому. Или же очень хочет поверить – чтобы оправдать задуманное?..

Синяя Река стала естественным пределом. Поселившиеся на самом краю леса сородичи Ритора не возвели на восточном берегу даже самого захудалого сарайчика, не говоря уж о перевозе. Не разбили они там и полей. И уже долгие годы никому отчего-то не приходило в голову отменить неусыпное бдение на вершине каменного Клыка, снять оттуда наблюдавших за восточным берегом дозорных. Никогда еще оттуда, с восхода, не приходил враг. Правда, не приходил и друг, а этого хватало, чтобы не убирать стражу.

Постройки теснились у подножия скалы. Предшественник Ритора добился, чтобы поселок обнесли каменной стеной – мало у кого в Срединном Мире укрепления были не из дерева. Когда-то, еще до великой войны, сокрушившей, между прочим, и Ббхчи, замок, где Ритор назначал встречу Огненным, из каменоломен на левом берегу Синей возили материал далеко на запад и север, возводя могучие крепости. Потом стало ясно, что мир лучше любых крепостей, потом разрабатывать обедневшие карьеры стало невыгодно и каменоломни забросили. Правда, немного камня для стен и башен клана Воздуха в них все-таки нашлось.

Поселок был довольно-таки крупным, пожалуй, даже не поселок, а небольшой город между горами и морем. Чистенький и зеленый – воды хватало. Одноэтажные домики, тонущие

в древесных кронах, ближе к площади уступали место каменным в два-три этажа. На площади, где рынок, стояли: Храм Воздуха, школа, арсенал, ратуша и церковь.

Давным-давно сюда попал один фанатично верующий монах-францисканец; на родине его едва не сожгли, а здесь он оказался сильным магом. С тех пор и осталась церковь Святой Богоматери Неведомых Земель, тем самым францисканцем собственноручно расписанная. Он положил на это всю жизнь; в клане Воздуха умели ценить верность. У монаха нашлись последователи; традиция не прерывалась по сию пору, хотя всерьез, конечно, никто не верил. Но «малый храм», как еще называли церквушку, остался.

За стенами – поля, оросительные каналы, фермы и хутора, иные в целом дне пути от каменных ронделей городка. А еще – последняя станция Пути. Ее построили гномы, когда стало ясно, кто хозяин Срединного Мира.

Озеро быстро осталось позади. Местность постепенно повышалась, лес стал гуще. Приходилось все время пробираться по настоящему бурелому.

Нет таких лесов под Москвой, нет, что ни говори. Но это, кажется, уже перестало удивлять.

– Сейчас будет Кривая Горка, а потом Горка Белая, – тоном строгой учительницы сказала Тэль. – Их одолеем – придется спуститься в Буреломный Овраг. Вот он-то и есть самое близкое к Серым Пределам место. Смотреть нужно в оба. Зато потом дорога полегче. Сначала холмы, а за ними и скалы. К вечеру дойдем... только б до заката успеть.

Виктор не стал спрашивать, почему им надо успеть до заката. Знал и так, что надо успеть, а отчего – не важно.

– Ты точно согрелся? – спросила Тэль, когда они поднимались на Кривую Горку. На взгляд Виктора, была она ничуть не кривее Белой, как и Белая – не светлее Кривой, но у названий собственные причуды. – Если заболеешь... нам нельзя задерживаться.

– Не заболею. Ерунда. Я как-то в детстве точно так же... изважикался с головы до ног, бабушка заставила лезть в озеро.

Тэль хмыкнула.

– И вода похолоднее была. – Разговор помогал не чувствовать холод и противное хлопанье в ботинках. – Грелись потом... вот так же точно, у костра. Домой шли, заплутали, вышли к деревне с яра... обходить уже сил не было. Бабушка спустилась как-то, мне велела прыгать. Прыгнул, поймала, но страху натерпелся.

– Боевая бабушка, – сказала Тэль. То ли одобрительно, то ли с иронией.

– Ты чем-то на нее похожа, – неожиданно для себя сказал Виктор. – А лет через полета...

– Спасибо, – фыркнула девочка.

Несколько минут они шли молча. А Виктор с проснувшимся интересом ворочал в памяти ту, давно, казалось бы, забытую историю. Обжигался ли он у костра? Нет, уже не вспомнить. И все равно похоже. Существует, конечно, закон парных случаев. Но не настолько же!

– Тэль, нам не придется прыгать с тех скал? – спросил он, стараясь, чтобы вопрос прозвучал шутливо.

– Никто и ничего тебя делать не заставляет, – ответила она.

– Тогда чего я здесь делаю? – мрачно осведомился Виктор.

– То, что сам хочешь.

– Я бы хотел поесть, – честно сказал он. – Даже остатки яичницы бы доел. Вместе со скорлупой.

– Виктор, я бы тоже поела.

Ему внезапно стало стыдно. В конце-то концов он – здоровый, крепкий мужик. Идет рядом с девчонкой-подлетьшем и еще ноет...

– Придется поискать ближайший ресторан, – сказал Виктор. – Белая скатерть, серебряные приборы, свеча на столе, теплые тарелки...

– А в тарелках? – с любопытством спросила Тэль.

В голове почему-то вертелись котлеты и пельмени. Ужин холостяка. Давно он не бывал в ресторанах... с подогретым фарфором, неярким светом, бутылочкой вина в плетеной корзине. И чтобы рядом – красивая юная девушка в вечернем платье.

Виктор покосился на Тэль. Нет, не подходила она на эту роль – ни по возрасту, ни по поведению. Да и он, скажем честно, не тянул на светского льва.

– В тарелках – манная каша, – мрачно сообщил Виктор. – Холодная и с комками.

– Не пойдет, – решила Тэль. – Если ты настаиваешь на каше, то ночевать будем голодными и в лесу.

Он растерялся.

– А если не настаиваю?

– Тогда – под крышей. И с ужином.

Лес вокруг был все так же девственен и безлюден. Но слова Тэль казались абсолютно серьезными.

– Ты не шутишь? – все же уточнил Виктор.

– За Холмогорьем – поселок. Маленький. Но там проходит Путь, и остановиться есть где.

Что такое Путь, Виктор решил не спрашивать. Наверное, последний раз с ним такое случилось в детстве, когда сам решаешь – для интереса! – не задавать вопросов. Путь так Путь. Холмогорье так Холмогорье. Его не покидало ощущение, что там, в глубине себя он все знал. И что есть Пределы, и что есть Путь, и что есть Холмогорье.

Некоторое время шагали молча. Тэль вообще оказалась не из болтливых.

Белая Горка давно осталась позади. Девочка то и дело озабоченно косилась на солнце – явно нервничала. Тоже на нее не похоже. Виктор уже успел свыкнуться с мыслью, что, даже ринься на них бешеный уссурийский тигр или ископаемый мамонт, Тэль бы, наверное, не повела и бровью, а просто...

За непонятной уверенностью в этом «а просто» пряталась темнота. Темнота, что, подобно плащу, скрывала Силу.

– Плохо идем, – озабоченно сказала Тэль. – Нам еще через Буреломный Овраг перебраться – а солнце посмотри уже где!

На взгляд Виктора, они и так проявили чудеса выносливости, достойные заправских туристов. Идти по старому лесу, заваленному многолетним валежником, да еще и в гору – непросто. Когда не знаешь, далеко ли идти – легче, но все равно...

– Поднажми, а? – просительно сказала Тэль.

– А ты поспеешь?

– Да.

После этого, конечно, выхода не оставалось. Виктор ускорил шаг, стараясь не думать о том, что завтра будут гудеть ноги.

– Как стемнеет, – чуть позже подбодрила его Тэль, – начнутся неприятности.

И снова он решил не уточнять, не поддавшись врожденной человеческой слабости гадать про грядущие беды. Солнце уже зашло за горизонт, когда они спустились с очередной Белой – или как там ее? – Горки и действительно вышли к оврагу. Неглубокому, узкому и сумрачному. Крутые склоны заросли незнакомым кустарником, по дну тянулась каменистая тропка – похоже, русло высохшей речушки.

– Ты постой так, немного... – попросила Тэль.

Виктор кивнул, не оборачиваясь. Мало ли какие дела...

Через минутку Тэль подошла к нему, остановилась, напряженно всматриваясь вперед.

Овраг как овраг. Ничего страшного. И обещанные Пределы никак не заметны.

- Надо идти, – со вздохом решила Тэль. – Ты не хочешь подыскать оружие?
- Какое? – без особого воодушевления спросил Виктор. – Палку?
- Хотя бы.

После коротких поисков Виктор отломил от похожего на ясень дерева, поваленного не то бурей, не то... нет, лучше считать, что бурей, короткий засохший сук. Отбиться таким можно было разве что от агрессивного пуделя, но Тэль ничего не сказала. Пожала плечиками и пошла вперед.

- Пропусти меня... – начал Виктор, но ответа не последовало.

Вот так. Вот и вся его охранная функция – плестись за девчонкой, сжимая нелепую трухлявую палку. Легкость, с которой Виктор ее выломал, доверия не внушала. Но, оказавшись неведомо как и неведомо где, он не нашел ничего более умного, чем подчиняться, даже не задавая вопросов...

- Ты умеешь сражаться?

– Да, – Виктор решил чуть погрешить против истины. Что ни говори, а все его занятия восточными единоборствами были не более чем самоутверждением мирного интеллигента. Нет, физически он кое-что мог... но не раз и не два задавал себе вопрос – сумеет ли при необходимости драться по-настоящему. Мысленный ответ, как правило, был «да». Но кто его знает...

- Это хорошо. Здесь нужно уметь сражаться, – сказала девочка.

– Где – здесь? – с прорвавшейся досадой рявкнул Виктор. Наверное, очень громко, потому что Тэль обернулась и поморщилась:

- В Срединном Мире.
- Это – Срединный Мир?
- Да.

– Ну спасибо. – Виктор и сам не заметил, как завелся. – Наконец-то все стало ясным. Есть мир Медиальный, есть Латеральный, а есть Срединный...

Медицинские термины, примененные в этой обстановке, придали словам дополнительный сарказм.

- Нет.

Он замолчал.

- Есть Срединный Мир, есть мир Прирожденных, есть Изнанка. Ты жил в Изнанке.

Звучало это не то чтобы обидно, а скучно и буднично.

- И как мы сюда попали? Между мирами есть... э... ворота?

- Тропы, – равнодушно ответила Тэль. – Разве ты видел какие-то ворота?

Виктор не ответил. Будь голос девочки чуть поэмоциональнее, он бы принялся спорить, вопреки фактам настаивая, что вокруг подмосковный лесок. Или принялся бы выпытывать детали.

- Тэль, я понимаю, сейчас не время, но я имею право знать...

– Да, – легко согласилась девочка. – Только говори тише, И не перебивай. Место опасное. Есть три мира...

- Именно три? – Виктор мгновенно забыл ее просьбу не перебивать.

– Я знаю только их... – Тэль вдруг осеклась, и Виктор тревожно оглянулся по сторонам. Но нет, никого не было видно ни впереди, ни сзади, ни на склонах. – Да, я вру, – неожиданно сказала Тэль. – Трудно объяснять то, что всем известно... Мир – один.

- Спасибо, – искренне согласился Виктор. – А то я начал тревожиться за свой рассудок.

– Мы же не говорим про рубашку, что она состоит из внутренней стороны, внешней и середины...

Виктор не нашелся что возразить.

– Мир – один. Все дело в том, как на него смотреть. С какой стороны. Ты жил с внутренней. Там все иначе, чем у нас или в Мире Прирожденных.

– В Мире Прирожденных, наверное, живут маги и драконы? – едко спросил Виктор.

– Какая разница? Это только форма. Мир один, но на него можно смотреть с разных сторон. И жить... с разных сторон.

– И ходить – через стороны?

– Иногда. Вот это дано не всем.

– Почему?

– Потому что никто не выбирает, с какой стороны родиться. Если привыкнешь – будешь смотреть на мир так, как принято. Будешь видеть только то, что принято видеть.

– А ты откуда смотришь, Тэль?

Девочка тихо засмеялась:

– Хороший вопрос. Отовсюду.

– Значит, ты можешь ходить между мирами?

– Да. Так ты мне веришь?

Виктор ответил не сразу:

– Лес странный. Попали мы сюда странно. Да и ты сама...

Тэль снова засмеялась:

– Странная?

– Более чем. – В порыве откровенности Виктор не удержался и добавил: – Я был абсолютно уверен, что ты ненормальная. Все эти раны от мечей, переходы, загадки...

– А это верно, – Тэль ехидно улыбнулась. В полутьме ее глаза таинственно блеснули. – Меня и здесь ненормальной считают. За все эти синяки от метро, переходы и загадки...

– Какие синяки?

– Я вначале не знала, что входить надо очень быстро, чтобы ворота не закрылись...

Виктор хмыкнул, представив себе Тэль, зайцем пробирающуюся через турникеты.

– Но ты вела себя так, словно ничему не удивлялась... – Он вспомнил поведение Тэль и мысленно покачал головой. В метро она даже принялась читать какой-то дамский роман через плечо сидящей женщины...

– Да и ты себя ведешь так, словно ничему не удивляешься. Один – ноль. В ее пользу.

– Нечему пока.

– Ты радуйся, что нечему!

Голос Тэль мгновенно стал серьезным, и Виктор оглянулся. Нет, ничего... Или? Нет, показалось. Просто овраг, пересохшее русло ручейка, сплетенные, перепутанные кроны деревьев на склонах. Понятно, почему Тэль выбрала путь по оврагу – сверху просто не пройти. Впереди овраг перекрывал поверху, словно нерукотворный мост, толстенный ствол поваленного дерева. На ветвях упавшего исполина еще держалась листва, чуть пожухлая, но зеленая. Крепкое было дерево, и не старость вывернула его из земли.

– Здесь случаются такие бури? – спросил он.

– Где – здесь?

В голосе Тэль была ирония.

– В Срединном Мире, – обреченно уточнил Виктор.

– Это не буря повалила деревья. Это Серый Предел. Когда-то здесь шла война.

– Недавно, очевидно?

– Сотни лет назад. Но не для всех она закончилась, Виктор.

– Партизаны до сих пор валят лес? – Он попытался улыбнуться.

– Была большая битва. Две армии... в одной шли люди, а в другой – нелюди. Человеческую армию смели, почти всю. Мечи проигрывали стрелам и топорам... – Девочка замолчала,

остановилась, тоже всматриваясь в поваленный ствол. Решительно сказала: – Постоим, Виктор. Мне что-то тут не нравится, очень не нравится.

Тишина царила гробовая, мертвая. Ни звука. И темно было так, что ничего и не разглядишь – лишь смутные тени деревьев на фоне темного неба.

– Тогда вступили в бой маги... – внезапно продолжила Тэль. – И мертвое войско встало и двинулось на врага, и тот poleg... потому что мертвого трудно убить второй раз. Вот только силы маги не соразмерили. Слишком велик был их страх. Слова, которые нельзя произносить, еще звучали... и покой не пришел к мертвым. Погибшее войско врага тоже поднялось с земли. Все могло бы кончиться раз и навсегда – для живых. Вчерашние враги встали рядом, плечом к плечу, против своих павших товарищей. Но они бы не справились... ведь каждый погибший в их строю тут же поворачивался против них.

Виктор поморщился, сделал шаг к девочке, прогоняя наваждение. В детстве он не любил таких страшилок, что любили рассказывать под вечер в пионерских лагерях, потом не читал книжек Кинга и не смотрел всех этих «Кошмаров на улице Вязов». Сейчас ему казалось, что не стоит рассказывать такие байки в ночном лесу. Не страх – нет, что-то другое подступило, холодком прошлось по телу. Будто предостережение. Не слушай... не слушай слишком внимательно. А не то...

Тэль словно и не почувствовала, как он положил руку ей на плечо.

– И тогда пришел тот, кто только и мог все остановить. Встал между армией мертвых и армией живых – и отмерил Серый Предел.

– А я-то думал – всех...

– Нет. Не за что было наказывать – ни живых, ни мертвых. Живые были не виноваты, а мертвые – тем более. Но с тех пор появился Предел, за который не выходят мертвые и куда не стоит заходить живым.

– А мы – зашли?

Тэль дернула плечиками.

– Все меняется. Реки меняют русло, горы встают из земли. Раньше путь пролегал мимо Предела. Теперь – не знаю. Они могут думать иначе. Говорят, что стало опасно путешествовать здесь.

– Тэль, давай не будем друг друга запугивать.

– Тебе страшно? – В ее голосе послышалось удивление.

– Скажем так – неприятно. Я не верю в ходячие скелеты... Тэль засмеялась:

– Скелеты не ходят! Как они ходить-то будут, если кости ничем не связаны?

– А мы ходить умеем? Тогда пошли!

Кивнув, Тэль двинулась вперед. Они успели сделать шагов пять и войти под поваленное дерево, когда раздался шум, и за шиворот Виктору посыпалась какая-то труха.

Он обернулся.

С дерева спрыгнули на землю чьи-то легкие фигуры. Четверо – двое перекрыли путь вперед, двое – путь назад.

Тэль прижалась к Виктору. Не закричала, нет, но явно испугалась.

– Это наша земля... – сказал один из незнакомцев, странно растягивая слова. – Земля мертвых... Вы на нашей стороне Предела...

– Мы идем мимо! – выкрикнула Тэль.

– Вы пройдете... если мы позволим...

Виктор пытался отслеживать движения всех четверых, отступая к склону и увлекая за собой девочку. Четыре тени молча окружили их, взяли в полукольцо. Почему-то Виктор не чувствовал страха. Словно и впрямь – смотрел дешевый фильм ужасов, в котором раскрашенные актеры старательно изображали мертвецов. Но ладонь, в которой он сжимал сук, стала

неприятно потной. Нельзя не верить в опасность! Нельзя! В этом мире возможно все... даже ожившие мертвецы.

– Позвольте нам пройти, – стараясь говорить тверже, попросил он.

– Золото... – прошипел кто-то из четверки. – Выкуп...

Тэль вскинула голову, удивленно посмотрела на Виктора.

И впрямь. Зачем покойникам деньги?

– А серебро устроит? – спросил он.

Тени дружно рассмеялись. Потом одна протянула:

– Устроит все...

– Жаль, что у нас нет ни золота, ни серебра. Может, рубли сгодятся? – Виктор сказал это вполне искренне, он готов был выложить всю имеющуюся наличность. В конце концов покойникам и впрямь деньги ни к чему!

– Рубли хочешь? Порубимся... только где твой меч? – Темная фигура пошевелилась, и блеснуло что-то металлическое.

– Что-то не так... – прошептала Тэль. – Не так, Виктор...

– Или оставь девочку... сам иди... – внезапно предложил молчавший до сих пор, высокий и тонкий.

– Хорошо, договорились. – Виктор быстро отстранился от Тэль, отвел глаза, чтобы не видеть ее лица, и двинулся вперед. Фигуры медленно, растерянно расступились. Он прошел между ними – и коротко, без замаха, огрел ближайшего покойничка палкой. Удар пришелся куда-то по шее.

Трухлявый сук, конечно же, сломался. Но, как ни странно, мертвецу этого хватило вполне – он с оборвавшимся хрипом осел на землю.

– Ах ты... – завопил высокий, предлагавший оставить Тэль. Закинул руки за голову – и в быстром движении было что-то, сулящее большие неприятности. Виктор крутанулся, ударил его ногой в грудь. Удар был простенький, да еще и из неудобной позиции. На тренировках такой отбил бы любой новичок.

Но, опять же, покойник оказался на редкость неумелым воином. Может быть, в давние времена он был кашеваром или маркитантом, а после смерти ничему научиться не смог?

– У-у-х-х... – только и раздалось в темноте, когда удар вышиб ему воздух из легких. В следующую секунду Виктор был рядом и, заранее готовый к отвратительному ощущению гниющей плоти под руками, перехватил высокому горло.

Горло как горло. А еще от покойника приятно и успокаивающе пахло цветами.

Несколько мгновений враг не сопротивлялся, потом нанес быстрый, – к счастью, скользнувший по щеке, удар локтем в лицо. И стал вытягивать что-то из-за пояса.

Только тогда Виктор, даже не думая, что он делает, перехватил горло противника локтем, потянул вниз, уперся коленом в спину. Он оказался неожиданно легким и хрупким, этот неумелый враг. И шейные позвонки хрустнули сразу, переводя врага в царство мертвых окончательно. Уже коснувшийся тела Виктора нож дрогнул и выпал из разжавшихся пальцев.

А рядом происходило что-то очень странное. Двое оставшихся противников, которым полагалось давно уже наброситься на Виктора, медленно отступали. Не от него – от Тэль. Девочка шла на них, что-то негромко говоря на незнакомом языке. Откуда-то появился свет – слабые оранжевые отблески высвечивали их лица. Самые обычные человеческие лица, плохо выбритые, немолодые.

– Не надо! – вдруг взвизгнул мужчина, который первым заговорил с ними. Повернулся, намереваясь бежать, – и вдруг по его телу пробежали бледные лепестки пламени. Миг – и он вспыхнул, огонь заревел, пожирая тело так легко, словно несчастный был облит керосином. Короткий, почти нечеловеческий визг, и горящее тело упало.

Последний враг убегал. Карабкался по склону, подвывая, выкрикивая что-то в смертельном ужасе, проламываясь сквозь кустарник. Тэль проводила его долгим взглядом, потом посмотрела на Виктора.

– Ты могла бы справиться и сама, – сказал он.

– Нет. Со всеми сразу – нет.

Виктор нагнулся над тем, кому он сломал шею. В свете чудовищного факела, пылающего вблизи, можно было рассмотреть лицо. Бледная кожа, тонкие черты. Глаза очень большие, волосы светлые, выющиеся. Что-то тоскливое было в нем, чахоточно-угасающее, но уж никак не потустороннее.

– Мне кажется, мертвецом он стал только что, – сказал Виктор. Посмотрел на жертву своей одноразовой дубинки. В этом мужичке уж точно не было ничего необычного. Среднего роста, в темной одежде, грязноватый. Чем-то он напомнил Виктору сантехника или электрика из родного жэка, и при этих ассоциациях жалость к оглушенному почему-то исчезла. – И этот на зомби не похож...

– Это не нежить, – спокойно ответила Тэль, – это просто разбойники. Додумались...

– Значит, все твои истории – сказки...

Из леса, с той стороны, куда убежал последний разбойник, вдруг донесся отчаянный вопль. Захлебывающийся, прервавшийся на высокой ноте. Виктора пробила дрожь. И наступила тишина, еще более страшная, чем предсмертный крик.

– Почему же? – Тэль повернулась на звук – тоненькая фигурка, почти невесомая тень на фоне погребального костра. – Правда. Я лишь не знала, что мертвые еще чтут Серые Пределы. Так странно... мертвые помнят клятву лучше живых.

Она помолчала, потом задумчиво добавила:

– Или бояться хозяина – больше, чем живые.

В воздухе разносился отвратительный запах горящей плоти. Виктор поднял с земли нож, собираясь засунуть за ремень, но остановился, вовремя оценив остроту лезвия. Стал снимать с убитого пояс с ножнами и флягой. Еще из оружия имелся высокий лук из отполированного дерева и колчан со стрелами – все это крепилось за спиной, но для Виктора в таком оружии не было никакого прока.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Тэль.

– Ты о чем?

– Первый раз ты отнял чью-то жизнь.

Виктор попытался ощутить хоть что-нибудь... но не было никаких эмоций. Только сердце колотилось от хлынувшего в кровь адреналина. И все вокруг стало четким, рельефным, ярким. Словно при легком опьянении.

– Я защищал тебя.

– И себя тоже. Неужели думаешь, что смог бы уйти?

– Не знаю. Это роли не играет, я не бросаю... друзей.

Тэль не ответила. Подошла к телу лучника, легонько пнула его в голову, разворачивая лицо. Фыркнула:

– Конечно. Полуэльф.

– Кто?

– Ублюдок от человека и эльфа.

Ругательство в ее устах прозвучало сухим академическим термином.

– Ты хочешь сказать... – Виктор уставился на бледное тонкое лицо. – Он родился от человеческой женщины и эльфа?

– Конечно, нет! Эльфы человеческими женщинами не увлекаются. Это порождение человека и эльфийки. Скорее всего результат насилия, впрочем – возможны варианты.

– Если эльфам человеческие женщины не нравятся, то зачем...

– Он не совсем эльф, а я... еще не совсем женщина. Девочками-подростками полуэльфы не брезгают.

После этих слов Тэль утратила к полуэльфу всякий интерес. Отошла, уселась на валун, вытянула ноги.

– Виктор, поищи, у него должен быть кошелек. Полуэльфы все ценное таскают с собой, они никому не доверяют.

Действие было неприятным, но, видимо, необходимым. Виктор обшарил карманы полуэльфа – их оказалось неожиданно много а тонких одеждах зеленого шелка. Из одного кармана он вытащил две тонкие, как лаваш, лепешки, скатанные в трубочку.

– Дай одну, – попросила Тэль.

Есть хотелось слишком сильно, чтобы не последовать ее примеру. Даже тяжелый дух горелого мяса не помешал Виктору мгновенно сжевать лепешку, удивительно вкусную, с резким запахом неведомых пряностей.

Наконец он нашел и кошелек – тяжелый кожаный кисет, внутри которого позвякивала пригоршня маленьких монеток – серебряных и золотых.

– Должен быть еще один, – сказала Тэль.

Второй кисет оказался меньше и легче, а набит он был поблескивающими камешками.

– Видно, не первый раз они шалили на Пределах, – заметила Тэль.

Виктор с облегчением прекратил обыск тела, отошел от полуэльфа. Бледное лицо убитого казалось теперь умиротворенным и нежным.

– Эльфийки, наверное, красивы?

– Да. Особенно по человеческим меркам.

Тэль не обратила внимания на то, что он сдался и верит ее словам. Виктор был за это благодарен.

– Наверное, такие... метисы... часто встречаются?

– Да нет, тут ведь все-таки нужно обоюдное желание. – Подумав, она закончила: – И, кстати, эльфиек всегда не хватает на всех.

– Этого тоже обыскивать? – Виктор кивнул на оглушенного мужичка, до сих пор валяющегося без сознания. Тэль брезгливо глянула на разбойника.

– Меч дрянной... денег такие с собой не носят. Добивай, и пошли.

Она встала и, не обращая больше внимания на врагов, двинулась вперед. Виктор постоял, потом наклонился над телом, достал нож.

Глаза разбойника открылись. Нет, наверное, он уже давно был в сознании, просто притворялся оглушенным.

– Помилуй, Владыка... – прошептал он. – Помилуй...

Виктор замер. Разбойник и не думал сопротивляться или убегать. Лежал, как баран на бойне, смотрел на него с обреченной покорностью.

– Мы не знали, Владыка...

Виктор покосился в темноту – но Тэль уже успела уйти далеко.

Он прижал отточенное лезвие к горлу разбойника. Показалась кровь. Виктор должен, обязан был убить его... он это чувствовал. Или все же был иной выход?

– Ты мой раб, – сказал он.

– Да, Владыка...

– Твоя жизнь не стоит ничего.

Человек явно считал так же.

– Иди, – пряча нож, сказал Виктор. – И передай всем то, что должен передать.

Он даже не побоялся повернуться к разбойнику спиной. В поведении того было что-то большее, чем страх перед сильным воином.

– Я раб твой... – донеслось сзади.

Тэль ушла недалеко. Она стояла метрах в двадцати, там, куда не доносилась вонь.

– Может быть, ты и прав, – сказала девочка. Голос ее был странно смущенным и виноватым. Она взяла Виктора за руку, и минуту они молча шли вместе. – Виктор... прости, что я стала давать тебе советы.

Глава 5

Овраг становился все мельче и мельче, а под конец вообще сошел на нет. Да и лес стал спокойнее, почти исчез бурелом. Под беззвездным, затянутым тучами небом, в крошечной темноте Виктор и Тэль выбрались наконец на какое-то подобие дороги. Земля здесь была так утоптана, что на ней ничего не росло, хоть и казалось, что заброшена дорога давным-давно. По контрасту с темной травой и кустарником она почти светилась в темноте.

– Старая торговая тропа, – сообщила девочка. – Раньше по ней шли караваны в южные порты. Потом Пределы разорвали дорогу, и тропа пошла в обход. А здесь... если кто и ходит, так через лес, по оврагу.

Виктор попытался мысленно представить карту. Лес. Овраг. Пределы. Утыкающаяся в них дорога.

– А мы куда идем?

– К Пути. Здесь маленький поселок, я же говорила. Почти все города в округе заброшены, никому не хочется жить у Пределов. Но Путь не перенести так просто, как караванную тропу.

Ничего себе тропа. На ней спокойно разъехалась бы пара карьерных грузовиков...

После леса и оврага идти было легко. Да и та крошечная лепешка, что нашлась у полуэльфа, неожиданным образом сумела его насытить и придать бодрости, словно чашка крепкого кофе.

Дорога петляла среди холмов, лес редел и расступался. Наверное, это было лишь иллюзией, но казалось, что становится светлее. Виктор посмотрел на часы – фосфорные искорки на концах стрелок уверяли, что нет еще и часу пополудни.

– Еще далеко?

– Нет. С полчаса, – беззаботно отозвалась Тэль. Судя по голосу, она не видела ничего особенного в таких ночных прогулках и больше не ожидала никакой опасности. – Потерпи.

Виктор крикнул от досады, но ничего не сказал.

– Я, конечно, силы переоценила, – самокритично сказала Тэль. – Не подумала, что в темноте тебе трудно идти.

– А ты – видишь в темноте.

– Да, конечно.

– Может быть, ты тоже – полуэльф? – почти всерьез спросил Виктор.

– Нет, что ты. Женщин-полуэльфов не бывает. Никогда.

Виктор хотел было заметить, что, очевидно, все фенотипические проявления «эльфоидности» жестко сцеплены с полом, с «мужской» хромосомой или, скажем, в силу того же все полуэльфийки несут проявляющуюся еще в эмбриональном периоде летальную мутацию, но рассуждать о генетике применительно к эльфам как-то не получалось.

– Тогда откуда такой талант? Вот с разбойниками, похоже, я был на равных – им тоже темнота мешала.

– Виктор, неужели у меня не может быть секретов?

Спорить с этим смысла не имело.

– Тогда скажи, где ты живешь?

– А зачем?

– Как зачем? Я ведь обещал отвести тебя домой.

Кажется, ему удалось повергнуть Тэль в растерянность.

– Хорошо, отведишь, а что станешь делать потом?

– Вернусь к себе домой.

Тэль долго молчала, прежде чем спросить:

– Вот так просто – вернешься? Ты ведь уже поверил, так? Убедился? Ты понял, что мир можно видеть не только таким, как ты привык. И хочешь вернуться? Туда, в город, в свой дурацкий дом, дышать вонью и заниматься ерундой...

– Тэль! – Он оборвал девочку. – Я живу там. Понимаешь? Там мои родные и друзья. А моя работа, извини, куда приятнее, чем... резать людям глотки.

– Но ведь ты... – Она осеклась. – Виктор...

– Ну?

– Может быть, я ошиблась? – задумчиво спросила она.

– В чем?

– Да в тебе! Виктор, ведь ты должен жить здесь! Понимаешь? Когда человек перестает соответствовать своему миру, тот его отторгает. Выбрасывает. Думаешь, то, что у тебя дома все ломалось, – случайность?

– Так. – Виктор остановился, поймал в темноте плечо Тэль, развернул лицом к себе: – Говори. Хватит недомолвок.

Тэль засопела, словно самая обычная девочка, которой мешают поиграть в таинственность.

– Кажется, мое терпение исчерпано, – продолжил Виктор. – Вначале подбираю сумасшедшую, которая видит в темноте, исцеляется от ран за одну ночь, никаких комплексов не испытывает и эмоций не проявляет. Потом прусь с ней в лес, убегая от каких-то придурков, попадаю неизвестно куда. Прыгаю в ледяную воду, бегаю голым вокруг костра, выслушиваю истории про разные миры, иду ночью по бездорожью. Пугаюсь мертвецов, убиваю разбойников! А теперь выходит, что мне все это должно нравиться?

– Чего ты хочешь, Виктор?

– Объяснений.

– Ты не принадлежишь миру Изнанки.

– Уверена?

– Конечно. Иначе ты не попал бы сюда. Но не это главное – дело в том, что ты нужен этому миру. Очень нужен.

– И ты пришла за мной, чтобы провести по Тропе из мира в мир?

– Да. Ты мог бы прийти сам. Так обычно и бывает с людьми, которые начинают смотреть на мир по-другому. Рано или поздно они находят Тропу и появляются здесь. Но ты – слишком важен. Нельзя было ждать и нельзя было полагаться на случай. Ты помнишь тех, кто встретил нас на переходе? Будь ты один, они убили бы тебя.

– А если бы я остался в своем мире?

– Все равно бы убили. На всякий случай. Да ты и не остался бы. Такие, как ты, не остаются.

Виктор засмеялся:

– Спасибо, девочка. Вот оно что. Ты, значит, мне помогала. Спасибо.

Раздражение накатывало все сильнее. Наверное, виной была усталость. А может быть – белое тонкое лицо полуэльфа, почему-то всплывшее в памяти.

– Это моя обязанность – помогать тем, кто приходит с Изнанки, – сказала Тэль. Она не почувствовала, как сменилось у Виктора настроение. – Ну, пошли. Нам только до поворота, а там – селение.

Дорога изогнулась, петлей огибая холм. А может быть, не холм – курган? Уж больно ровными казались его очертания в ночи. Какая разница... Виктор был сыт по горло приключениями. Как-то смазались, ушли далеко-далеко привычные заботы и проблемы, совершенно не волновала мысль о том, что завтра он не выйдет на работу. Но вот дом – маленькая квартирочка с отклеивающимися обоями, сгоревшим телевизором и продавленным диваном – не отпускал. Хотелось туда. Пусть снова выкручиваются пробки и взрываются телефоны. По крайней мере

это будет его дом. Его крепость. И не придется сжимать в кулаке мягкие, как шелк, волосы ублюдка-полуэльфа, сворачивая ему шею...

– Дьявол... – прошептал Виктор. – Дьявол...

Вот оно как, значит? Не сразу, не в тот миг, когда кровь горит от адреналина, а из горла рвется звериный рык. Тогда можно все – и убивать, и обшаривать карманы покойников, и жрать чужие припасы под запах горелой человечины. Это потом, в тишине и темноте, подползут испуганно отпрянувшие тысячелетия цивилизации, похлопают по плечу и укоризненно посмотрят в глаза.

Тэль молчала, даже если и понимала, что с ним происходит. Хоть на этом спасибо. Они чуть замедлили шаг, переваливая через склон холма, – дороге надоело петлять, и она пошла напрямую.

– Вот и поселок, – сказала Тэль.

Совсем рядом, метрах в ста, тускло тлела россыпь огоньков. Виктор помедлил, ощущая короткое, неожиданное разочарование. Идти оставалось пару минут.

– Я думал, придется куда-то прыгать... карабкаться... – признался он.

– Почему?

– Не знаю...

Подсознательно Виктор ожидал услышать собачий брех, но к поселку они подходили в полной тишине. Может, в этом мире нет собак? Как в нормальном мире нет эльфов, так тут собаки не водятся...

– Стой... – Тэль вдруг остановилась, схватила Виктора за руку. Навстречу им кто-то шел.

Виктор положил ладонь на рукоять ножа. Полночный прохожий приближался. Слышалось шумное дыхание, слегка заплетающиеся шаги. Виктор расслабился.

По крайней мере алкоголь в этом мире существует.

– Не... я не пойду короткой дорогой... – донеслось из темноты. То ли подгулявший человек их заметил, то ли беседовал сам с собой. – Нет... Я пойду через овраг. Там темно, там сыро, там страшно... Там крутые скользкие склоны... Там дует ветер!

Насчет ветра он явно ошибался, а вот со всем остальным Виктор был согласен.

– Я пройду через овраг... – напевно излагал свои планы человек. – И мне станет хорошо... э... я про... протрез... протрезвею!

Явно никого не замечая, он проследовал мимо. Лица Виктор не разглядел, понял лишь, что человек очень крупный, с солидным брюшком и немалого роста. Уже миновав их, пьяный на миг остановился и с тоскливым недоумением сказал невпопад:

– Свинцовые шарики! Это ж надо!

Виктор нагнулся к Тэль, и шепнул:

– Может, остановить? Он в таком виде...

– Как раз в таком виде спокойно дойдет, – беззаботно ответила Тэль. – Пьяным везет. А мертвецы, кстати, запаха алкоголя не переносят.

Почему мертвые являются абстинентами, Виктор спрашивать не стал. Из опасения, что у Тэль найдутся объяснения и придется поверить еще во что-то, совершенно безумное...

Хотя, казалось бы, по сравнению с самим фактом существования ходячих трупов, их неприязнь к перегару – мелочь, не стоящая внимания.

Дорога плавно перешла в улицу. Под ногами была уже не спрессованная земля, а аккуратно подогнанный булыжник. Здесь было светлее – у многих домов, несмотря на поздний час, светились окна, перед некоторыми горели фонари. Виктор жадно вглядывался, пытаясь найти отличительные черты этого мира. Что-то мистическое, нереальное или хотя бы средневековое.

Куда там!

Аккуратные чистенькие дома в два-три этажа. Большой частью первый этаж из камня, выше надстроены деревянные. Окна застекленные. Фонари... ажурные металлические плафоны с матовыми стеклами, правда, свет был уж слишком ровным.

А окончательно Виктора добила кнопка у дверей какого-то здания. Кнопка! Металлическая кнопка, расположенная на том месте, где и положено быть кнопке звонка!

– Здесь есть электричество?! – обвиняюще выкрикнул он. Тэль удивленно посмотрела на него, и Виктор невольно сбавил тон. Лицо девочки на свету было усталым, почти серым.

– Ну?

– Почему?

– А почему бы ему не быть? Я же тебе не говорила, что здесь освещают улицы тюленьим жиром и березовыми лучинами?

– Нет, но... Если здесь... – Виктор запнулся, отчаянно подбирая слова. – Тэль, я могу поверить: в иной мир или в иную сторону реальности. Бог знает почему, но могу! Да, здесь эльфийки, которых вечно не хватает, спят с людьми! А мертвецы бродят за Серым Пределом, сооруженным чародеями!

Тэль снисходительно улыбнулась.

– Но тогда – здесь не может быть техники! Электричества, ламп, звонков, машин!

Над головами хлопнуло окно, и злой голос разорвал ночь:

– Да что же такое, вечно нажрут как свиньи... Эй, проваливайте отсюда!

В запале Виктор едва не огрызнулся, но вовремя передумал. Во-первых, позиция для ссоры была крайне невыгодной, а во-вторых, он действительно был не прав.

– Виктор, ты устал... – мягко сказала Тэль. – Идем...

Послушно, словно и впрямь подгулявший мужик, ведомый почтительной дочерью, Виктор пошел за девочкой.

– Все возможно, – уговаривала его Тэль. – Это Срединный Мир, понимаешь? Тут все возможно...

Они остановились перед длинным двухэтажным зданием. Для разнообразия – полностью каменным.

– Гостиница, – пояснила Тэль.

Виктору хотелось съехидничать и сказать «трактир», но он удержался. Тэль уверенно открыла незапертую дверь, и они вошли.

Маленький зал, стены из красного обожженного кирпича, на них развешаны незатейливые, хоть и яркие вышивки. У одной стены – ряд массивных жестких кресел. У другой – внушительных размеров стол, за которым сидели двое людей. Несколько дверей, винтовая лестница, ведущая на второй этаж. Ничего необычного, так мог бы выглядеть маленький домашний отель где-нибудь в Западной Европе. Под потолком висела хрустальная люстра. Виктор обреченно вздохнул, отводя глаза от электрических лампочек.

– Добрый вечер! – звонко сказала Тэль.

Из-за стола поднялся тощий рыжий паренек, одетый в мятый костюм незапоминающегося кроя, в мятом сером берете на голове. Выглядел он смешно, но не более того.

– Доброй ночи, девочка, – неожиданным баском сказал парень. Тэль он удостоил лишь одного взгляда, пристального, но в целом равнодушного. Виктора разглядывал куда более придирчиво.

А Виктор не отрывал глаз от оставшегося сидеть за столом.

Это был эльф.

И никаких комментариев Виктору не требовалось, чтобы понять различия между эльфом, полуэльфом и человеком. Наверное, хорошо, что вначале он видел полуэльфа, – контраст оказался не столь шокирующим.

Волосы эльфа походили на золотую пену, на стружку сусального золота, небрежно уложенную в высокую прическу. Лицо не производило того впечатления чахоточной красоты, что у полуэльфа, – оно было просто нечеловеческим, неземным, живущим по своим собственным законам красоты. Тело было тонким, изысканным, но хрупким его назвать тоже не получалось.

Эльф был чем-то иным, безмерно далеким от человека. Если людей Бог лепил из глины, то для эльфов, наверное, взял в качестве основы родниковую воду.

Но тонкие пальцы эльфа с небрежной грацией сжимали оперение стрелы, уже наложенной на тетиву тонкого лука. То, что лук лежит на столе, почему-то не успокаивало, Виктор был уверен, что через полсекунды стрела может вонзиться ему в грудь.

– Откуда вы пришли, путники? – поинтересовался рыжий парень.

– С юга, мимо Серого Предела, – ответила Тэль. Видимо, вопрос не подразумевал точного ответа.

– Ночью, мимо Предела? – с некоторым уважением спросил парень. – Храбрые люди...

Он еще раз посмотрел на Тэль – уже внимательнее, и его лицо едва заметно дрогнуло. Словно он узнал девочку... с удивлением, но узнал.

– Что вам угодно? – теперь парень был воплощенной вежливостью. Эльф чуть повернул голову, с любопытством посмотрел на товарища и убрал руки с оружия.

– Комнату.

– Одну, две?

– Одну.

– С одной кроватью, с двумя?

– С двумя.

– Свет, вода?

– Лучшую комнату.

– Конечно, уважаемые. Восьмой номер, Дерси!

Это был не страх, который охватил разбойника, едва не убитого Виктором. Скорее что-то вроде растерянности, когда человек не уверен в своих догадках, но считает за благо перестраховаться.

– Вот ключи... – Парень принял из рук сидящего эльфа два кольца с массивными ключами, с легким поклоном вручил их Тэль. – Что мы еще можем для вас сделать?

– Есть хочется... – жалобно сказала Тэль.

– Ресторанчик еще работает. – Парень кивнул на одну из дверей, ведущих из комнаты. – Вам подать в номер?

– Нет, спасибо, мы зайдем сами. – Тэль кивнула Виктору. – Расплатись!

Виктор молча достал трофейный кошелек, вопросительно посмотрел на юношу.

– Один золотой.

Эльф едва слышно хмыкнул.

Виктор молча отдал парню монету, которая, судя по виду, и была золотым. На монете не было никаких надписей, только вычеканенная с обеих сторон жуткая драконья морда. Парень принял монету с явным замешательством, отвел глаза, быстро спрятал в карман.

– Вы не берете старых денег? – любопытствовала Тэль.

– Нет, конечно же, берем. – Парень покосился на эльфа, состроил гримасу, явно призывая к молчанию. Ох, не нравилось Виктору происходящее, но вмешиваться было неразумно.

– Идем, я есть хочу... – Тэль потянула Виктора за собой. Эльф так и не проронил ни единого слова и не соизволил встать. Сейчас явно назревал серьезный разговор между ним и рыжим парнем...

За дверью «ресторанчика» было тихо и неожиданно прохладно. Виктор замер на пороге, с изумлением понимая, что его недавняя глупая мечта стала реальностью.

С полдюжины столиков, покрытых белыми скатертями, с приготовленными приборами из хрусталя и белоснежного фарфора, все незаняты. Никакого электрического света – лишь свечи в массивных канделябрах вдоль стен. Дразнящий запах пищи – наверное, идущий из открытой двери на кухню. Маленькая стойка бара, уставленного бутылками незнакомого вида, но однозначного содержимого. На высоком табурете, уткнувшись лицом в стойку, спал коренастый мужчина, одетый во что-то вроде полувоенной формы.

– Ого... – только и сказал Виктор. Захотелось протереть глаза. – Тэль, если бы ты сказала... про это место... я шел бы в два раза быстрее.

– Откуда мне было знать, что деньги появятся? – вопросом ответила девочка. – Хозяин!

За стойкой открылась маленькая дверь, из нее вынырнула девушка. Чуть постарше Тэль, может быть, лет шестнадцати-семнадцати, красивая, яркая – причем не от обилия косметики, а от природы. Тэль слегка смутилась.

– А где уважаемый Конам Молчаливый? – спросила она. – Уже спит?

Между девушками сразу повисло напряжение.

– Папа спит уже три года, – сухо сказала девушка. – Я не столь молчалива, как он, но, надеюсь, это единственный недостаток.

– Извините. – Тэль и впрямь выглядела смущенной. – Ресторан Конама славился на всем Пути...

– Он и сейчас не утратил славы. И не сменил имени.

– Мы очень устали и проголодались. – Виктор понял, что надо вмешаться в разговор. – Если вы еще не закрыты...

Девушка наморщила лобик:

– Кто же закрывается при виде посетителей? Еда, вино? Что вам угодно?

– Что стоит заказать путникам, прошедшим в полночь мимо Серого Предела? – вопросом ответил Виктор.

Девушка одобительно кивнула.

– Сейчас вам все подадут...

На секунду она исчезла за дверью, а Тэль, вздохнув, с грустью посмотрела на Виктора:

– Классный был дядька...

– Конам?

– Да. Боец великолепный. Авантюрист! Впрочем... таких то много. А на старости лет купил этот ресторанчик, назвал его «Королевство Конама Молчаливого» и прославился на весь Срединный Мир.

– Забавная карьера.

– Славу не обязательно завоевывать мечом... – вздохнула девочка. – А дочку его я почти не помню.

– Ты здесь бывала?

– Да, но давно.

– Тот парень, он, кажется, тебя узнал.

Тэль дернула плечиками:

– Может быть. Ну и пусть.

Дочка Конама вернулась. Молча достала из-под стойки два высоких бокала, налила в них вначале красной жидкости из стеклянного кувшина, дополнила бокалы разноцветным содержимым еще из трех бутылок. Очень быстро, но так ловко, что коктейль в бокале не смешался, повис четырьмя слоями.

– Выпейте для начала, – предложила девушка.

Виктор сел за стойку, рядом устроилась Тэль. Взяла бокал, придирчиво посмотрела сквозь него на свечу.

Четыре слоя подрагивали, медленно проникая друг в друга. Виктор с изумлением понял, что жидкость превращается в семь полосок, составляющих полный спектр.

– Вы умеете делать «Радужные сны»! – воскликнула Тэль с явным восторгом. – Ой!

Кажется, похвала польстила девушке.

– Меня зовут Рада.

– Рада, а я слышала, что Конам клялся никому-никому не открывать этот секрет!

– Папа и не открыл. Даже мне. Я сама восстановила рецепт.

Виктор осторожно сделал глоток. Напиток явно был алкогольным, но совершенно необычного вкуса. Он слегка бодрил, буквально с первого глотка, и одновременно расслаблял тело.

– Нет ничего лучшего для уставшего путника в поздний час, чем бокал «Радужных снов»! – сказала Тэль. – Эх... и почему Конам так поздно нашел свое призвание. Какие чудесные напитки он придумывал!

Виктор испугался, что Рада обидится на эти слова, но девушка согласно кивнула:

– Да. А я вот не собираюсь заниматься ерундой. Утром приходите, я угощу вас «Кипучим днем» – за счет заведения. Это уже мой рецепт. Его оценил сам господин Анджей.

– Маг Земных? – заинтересовалась Тэль.

Рада кивнула:

– Да, глава клана. Он останавливался здесь, когда путешествовал в Снежные Степи. Такой хиленький мужичок, лысенький... – Рада перешла на шепот: – По виду – ну совсем обычный. Какой-нибудь наш охотник или плотник – и те попредставительнее будут. В чем душа держится... А пил – диву даешься!

То ли ночные посетители вдруг стали ей симпатичны, то ли девушка решила, что бизнес прежде всего, но первая ее холодность исчезла.

– Сейчас вам принесут еду, – сообщила она. – По ломтику тушеной рыбы, немножко зелени, сок и паштет из моллюсков. Это будет самым правильным ужином, поверьте. Вы надолго остановитесь?

– Нет, – с сожалением сказала Тэль. – Завтра уезжаем.

– Оставайтесь хотя бы на обед. Эльфийский суп, куропатки в тесте и настойки клана Медведей. Не пожалеете. Она улыбнулась Виктору и вновь скрылась за дверцей.

– Да, молчаливость не входит в ее недостатки, – сказал Виктор.

– Это точно, – допивая бокал, согласилась Тэль. – Да, кстати... ты ведь завтра возвращаешься домой? А когда, с утра или после обеда?

Виктор даже не нашелся что ответить.

Родные места. Здесь ты родился и вырос, Ритор. Здесь учился. Отсюда уходил в свой ставший знаменитым – для знающих – поход, сюда же и возвращался... не думая не гадая, что настанет день – придется своими руками исправлять почитавшееся ранее твоим же величайшим подвигом.

Конечно же, его заметили издали. Он не скрывался, пламенная аура Силы вокруг него видна была магам клана за многие мили. И когда он, погасив крылья, опустился возле крыльца школы магов, по совместительству – его собственного жилища, вокруг уже собралась толпа. Все молчали. Знали, что случилась беда.

Взгляд Ритора отыскал среди сбежавшихся мать Таниэля. И, не в силах вынести скорбного укора, волшебник опустил голову. Не сумел. Не уберег. Не защитил, и теперь все слова уже бесполезны.

Однако, несмотря ни на что, Ритор все-таки заговорил. Не должно быть секретов от своих. Вода искусна в магии обмана (как, впрочем, и Воздух), несказанное тобой поспешат выложить, переврав, враги.

Кратко, но ничего не упуская, Ритор рассказал о схватке с Торном и его людьми в заброшенном замке, о предательстве, погубившем Огненных, о том, как его, презрев обычаи, собирались убить на балу у Лой Ивер...

– Так что же делать, братья? Смолчать, перетерпеть, покориться? – закончил он.

Слушавшая его в гробовом молчании толпа в мгновение ока разразилась яростными воплями. Ритор видел вздымающиеся кулаки, искаженные ненавистью лица, перекошенные от гнева и жажды мести рты. Вопль «Смерть им!», вырвавшийся из сотен глоток, подхваченный ветром, разнесся далеко окрест, и – знал Ритор – даже живущие на дальних фермах побросали сейчас работу, с тревогой вслушиваясь в порывы, полные ненависти.

«Война», – неся над площадью беззвучный крик домов. «Война и смерть им всем» – вторили скалы. «Огонь и гибель на их головы» – шумели леса.

И лишь мудрая, ленивая река на сей раз смолчала.

А море и вовсе не говорило ничего и никогда.

Наконец, когда бушующий ураган криков поутих, Ритор поднял руку.

– Обо всем, как и велит закон, будем говорить сегодня на совете клана, – обратился он к людям. – Я буду думать. И вы думайте тоже. Завтра на рассвете мы сравним наши решения.

«Не сомневаюсь, что они выберут войну, – мелькнула мысль. – Слишком хорошо здесь знают о нашей с Торном вражде. Сами кланы не сталкивались уже давно... но нападение есть нападение, и вражда с предводителем есть вражда со всеми. Клан поднимется. А это значит – войны не миновать. Мы сами вымостим дорогу Прирожденным...»

И в то же время Ритор даже помыслить не мог скрыть от собратьев правду. Быть может, когда отторит первый гнев, ему удастся сдержать своих.

Потому что надо тратить силы не на бессмысленную распрю с могучим кланом Воды (подавляющее число людей в нем, само собой, ни в чем не виноваты), а уничтожить, пока не поздно, вызванного Торном Убийцу Дракона. В этих словах врага Ритор не сомневался. Таким не бросаются.

И не важно, что Убийца скорее всего тоже не виноват. Простой подсчет – тысячи жизней или одна.

Иное-решение? Чтобы никто не погиб? Увы, мы не на занятии по этике, к сожалению.

...Ему казалось, он никогда не уснет. Когда так устаешь, организм словно во вред самому себе отказывается засыпать. Мол, помучайся, помучайся, будешь знать, как измываться над собственным телом. Виктор понимал, что это всего-навсего чрезмерный уровень адреналина и эндорфинов, повышенный ток ионных каналов и слишком активная перекачка синаптических пузырьков, – однако понимал как-то умом. А другая половина сознания отчего-то талдычила – это судьба тебя предупреждает, не спи в эту ночь, не спи, не спи, не спи-и-и!..

Раньше об эльфах, гномах и тому подобном он читал только в бульварной фантастике. Да и то изредка, когда ничего другого не находилось взять в дорогу. А вот теперь сам лежит на кровати в гостинице, охранником в которой служит самый что ни на есть настоящий эльф! Гм, если таковы эльфы – то каковы же тогда эльфийки? Эльфки, эльфянки, эльфочки, эльфессы... интересно, а полуэльфки – они какие? Или их на самом деле никогда не бывает? Начинаешь понимать, почему эльфы не зарятся на человеческих женщин, а вот мужчины...

Он приподнялся на локте. Тэль мирно спала, тихонечко, как мышонок, посапывая в дреме. Виктор снова лег на спину. Невольно ему вновь вспомнились давешние разбойники... и тот несчастный, моливший сохранить ему жизнь... Как он там сказал? «Я раб твой, Владыка»?

Владыка...

Ничего не скажешь, приятно услышать. Что ни говори, каждый из нас втайне думает о себе – мол, меня не оценили, не поняли, я куда выше и лучше их всех, только вот из-за всяческих козней не могу развернуться как следует, а тогда бы я всем показал... Неудивительно, что лесть – одно из сильнейших человеческих орудий.

Виктор не уловил прихода сна. Сознание оставалось ясным, мысли – четкими и определенными. Он думал, что рассуждает про себя... и потому даже несколько удивился, внезапно увидав себя стоящим на незнакомом берегу. Песок был абсолютно, нестерпимо снежно-бел. Это еще неудивительно, хотя отыскать такую белизну на Земле... точнее – в Изнанке – не удалось бы, наверное, и на Северном полюсе.

Да, песок был бел, а вот вода, напротив, – иссиня-черна. Словно самая настоящая нефть. Виктор собрался было протереть глаза – правда, тотчас же понял, что удивляться глупо. Тут так и должно было быть. Сны – особая страна. Взгляд его скользнул вдоль берега – наверное, в полукилометре вода становилась красно-алой, словно солнце ветреным закатом; еще дальше, уже у самого горизонта виднелась блистающая, яркая зелень – а может, это уже были шутки атмосферной рефракции. Солнце, наверное, уже скрылось – светилось само небо, на горизонте ярче, а в зените уже проглядывали робкие звезды.

Вплотную к берегу подступали горы. Не обычные, привычные нам – а длинный строй математически правильных фракталей, как, едва взглядевшись, понял Виктор. Каждая «гора» чем-то напоминала исполинское дерево – блистающий полупрозрачный «ствол» в километр высотой, идеально правильные грани, каждая разделена на три части, средний отрезок служит основанием еще одного треугольника, поменьше, и так без конца...

К морю эти странные образования повернуты были гладкими срезами – словно основаниями.

Между этими не то строениями, не то естественными образованиями тянулись длинные языки привычно зеленой травы, высокой и острой, на манер осоки.

Еще дальше виднелся лес. Правда, фиолетовый, а местами и просто синий, словно в этом мире не существовало законов фотосинтеза.

А над самым краем леса Виктор заметил курящийся дымок.

И пошел к нему – что еще оставалось делать?

Все это время он прислушивался к себе. Станный был сон. Очень уж яркий и реалистичный. Даже фиолетовые листья и черные волны выглядели уместными. И ладно бы просто уместными... во снах все кажется правильным. Но почему тогда он ощущает чуждость окружающего?

Непорядок. Хоть во сне бы расслабиться!

Он сделал шаг, другой... и вдруг понял, что ему здесь нравится. Тело наполнила пьянящая легкость, словно в воздух подкачали кислорода. Это немного напомнило симптомы глубинного опьянения – но Виктор-то сейчас не на глубине!

Он с трудом удержался, чтобы не пуститься бегом.

Широколистная «осока» затянула весь берег. В зарослях – ни единой тропки. Убедившись, что острые стебли не в силах проколоть джинсы, Виктор с удовольствием пошел напрямик.

Немного погодя он увидел, что дым поднимается над широкой и низкой крышей большого одноэтажного приземистого дома, сложенного из розовых каменных плит, сейчас изрядно подпорченных жирной копотью. Из широченной каменной трубы, тоже низкой и какой-то приплюснутой (отчего так? Тяга ведь плохая...) валил дым. Был он, как и положено дыму, густ, клубист и черен. Вокруг дома одуряюще воняло чем-то омерзительно-кислым – словно там, внутри, стояла целая батарея открытых чанов с дымящейся «солянкой», HCl, или там, скажем, с серной. Едкий запах полез в ноздри, Виктор закашлялся... точнее, это собралась закашляться его память. Сам он только с силой выдохнул, гоня прочь из легких эту гадость, ничего общего с привычными нам кислотами, конечно же, не имевшую.

Это был яд, вдруг понял он. Яд, напоенный вдобавок еще и магией. Правда, ему, Виктору, отравы почему-то вреда причинить не могла.

Дверей в доме не было. Широкий темный проем, где во мраке что-то тускло и равномерно вспыхивало.

– Эй, есть тут кто? – негромко спросил Виктор.

Огонь в глубине дома испуганно замигал и погас. И тотчас же раздалось гневное рычание, длинная разъяренная рулада, сложившаяся в нечто вроде «Кто посмел?!», только куда изобретательнее, с многочисленными отсылками ко всем родственникам виновника вплоть до двенадцатого колена.

Из тьмы выкатился невысокий, очень толстый человечек, широкоплечий, краснорожий, с необъятным брюхом и нависающими кустистыми бровями. Нос хозяина украшали многочисленные алые и синюшные прожилки. Запах ядовитой кислятины тотчас сменился до боли знакомым перегаром, словно от того же жэковского сантехника.

– Ты кто такой? – зарычал коротышка. Холщовые рубаха и портки на нем были все в пятнах и подпалинах. Руки же – в тонких хирургических перчатках, и при виде их Виктор едва не лишился дара речи. – Язык проглотил, неуч? – напирал меж тем хозяин.

– Молчи, – вдруг вырвалось у Виктора. – Как смеешь ты держать меня на пороге?!

Толстяка враз прошибло потом. Он отступил на шаг, однако взгляда не опустил.

– Ух ты, знатный гость ко мне пожаловал, – медленно процедил он сквозь зубы, стаскивая с рук перчатки. – Знатный и редкий... ну что ж, заходи, раз пришел, прочь не погоню. Запашок у меня, правда, тебе едва ли понравится... но уж не обессудь, коли явился незваным.

Толстяк если и боялся, то страх свой умело скрывал. И, судя по нему, был отнюдь не дурак подражаться. Хоть и пригласил внутрь, сам стоял, загораживая почти весь широченный проход.

– Плохо ты гостя привечаешь, – нагло сказал Виктор, сам донельзя дивясь этой наглости. Впрочем – это ведь сон... всего лишь сон.

– Уж как умею, – огрызнулся коротышка. Сдернув наконец с рук перчатки, он метко зашвырнул их в бочку – что-то отвратительно зашипело, из бочки повалил пар. – Как там у вас говорится? В гимназиях не обучались...

«Ну конечно же, я сплю, – подумал Виктор. – Откуда здешнему обитателю знать „Золотого теленка“?»

Ухмыляясь, толстяк пялился на Виктора. Глаза-буравчики беспокойно сверлили незваного, невесть откуда взявшегося гостя. Коротышка откровенно и недвусмысленно нарывался на неприятности.

«В этом мире уважают только силу, – подумал Виктор. – Деликатность, вежливость, миролюбие здесь воспринимаются как слабость».

Впрочем – только ли здесь? Мир снов – лишь слабый отсвет реального мира. Если здесь и сейчас, в сумбурном – пусть и таком ярком сне, от него ждут напора и натиска – значит, и на самом деле происходит то же самое. Давно ли нахрапистость и наглость превратились из пороков в достоинство? Может, и недавно, но порой кажется, что навсегда...

И все-таки, наверное, в Москве он едва ли решился бы на подобное. Протянуть руку и молча отодвинуть хозяина с порога его собственного дома.

Помня Серый Предел и ломающуюся с сухим треском шею несчастного полуэльфа, Виктор толкнул коротышку не в полную силу. Однако тот лишь похабно осклабился:

– Что-то слабоваты нынче стали срединники! Нукась, ты толкнул, теперь моя, стало быть, очередь...

Это, разумеется, оказался не толчок в плечо. Толстяк коротко и без замаха провел очень грамотный апперкот. Настолько быстро и профессионально, что невеликого умения Виктора не хватило даже отдернуть голову. Собственно говоря, он понял, что поднявший его в воздух удар именуется апперкотом, только оказавшись лежащим на спине.

«Ярость в тот же миг подняла его на ноги. Это точно сон, – снова подумал Виктор. – После таких ударов встают только в дешевых гонконгских боевиках. У меня сейчас должны были быть сломаны шейные позвонки, выбита челюсть и половина зубов – а я скачу как ни в чем не бывало...»

Теперь вокруг него был огонь. Руки, раскинутые в стороны, словно крылья, рассекали ярящийся океан испепеляющего пламени. Как смел этот... этот червь... как он смел поднять руку на него? На него. Владыку?!

Кулак обернулся сгустком рыжего огня. Мелькнуло перекошенное злобой лицо коротышки... вскинутая для защиты рука... но поздно.

Виктор ударил оскорбителя в скулу. И тот, несмотря на немалый свой вес (полтора центнера на глаз, не меньше) – кубарем покатился через порог, внутрь дома. С грохотом обрушились какие-то полки, кто-то жалобно не то заблеял, не то замыкал – и все стихло.

Огонь исчез. Душащая ярость – тоже. Болел кулак – словно Виктор хватил им по каменной стенке. Кожа на костяшках была содрана. Виктор поморщился, потряс кистью.

– Ну-у, какой ты, однако... – плаксиво пробубнили из темноты. – Предупреждать надо...

– «А кто у нас муж? – Волшебник! – Предупреждать надо!» – передразнил его Виктор цитатой из «Обыкновенного чуда». – Дальше драться станем?

– Чего уж... до срока, – буркнули из темноты. – Входи, входи, чего стоишь? Помоги встать – не видишь, полкой придавило? Я, ежели ворохнусь, все на ней переломаю...

Виктор проворно шагнул через порог. Глаза подозрительно быстро привыкли к темноте – слишком быстро даже для сна. В снах у нас порой есть крылья, и пули из дул нашего оружия летят медленно-медленно, по длинным изогнутым дугам – но вот в темноте мы видим плохо даже там.

Это, несомненно, была лаборатория. Совершенно не похожая на привычные ему – «измачные», как сказали бы в Среднем Мире. Здесь не было никаких приборов, агрегатов или устройств. Только здоровенные полки на стенах. Но на полках – ни единой бутылки, коробки, банки или любого иного вместилища. Непонятные предметы свалены кучами, следуя какой-то непостижимой внутренней логике. Огонь в очаге горел сам по себе, ни дров, ни угля; на мгновение Виктор даже подумал, не подтянут ли сюда газ.

Но, конечно, никакого газа тут не было. Просто сам по себе горящий огонь. И над ним котел, черный, закопченный, с иззубренными краями. Виктору стало даже немного не по себе – зазубрины на краях очень уж напоминали следы зубов. Прямо на глаза попался очень неплохо сохранившийся рельефный отпечаток человеческой челюсти. В натуральную величину. Верхней, с косыми, не исправленными в детстве резцами.

Виктор приподнял тяжеленную полку (каменная она, что ли?), и коротышка выбрался на волю.

– Спасибо, – кажется, это было сказано довольно-таки искренно. – А ты не из слабаков. Угощать, как у вас принято, мне тебя нечем, так что не обессудь. Все в дело пошло.

– А что за дело? – как бы между прочим полюбопытствовал Виктор. Котел висел над огнем без всяких подпорок, запашок оттуда шел отвратительный, и помыслить об угощении сил не было.

– Да так... – отвечивал коротышка без видимой охоты. Почесал затылок. Покашлял. Снова почесал затылок.

И в это время в громадном сундуке, единственном сундуке во всем доме, что-то мерзко заскреблось и зашебуршилось. «Крыса, что ли?» – подумал Виктор.

Коротышка скривился, как от сильной зубной боли. Бросился к сундуку. Рывком распахнул крышку. Запустил туда руку по самое плечо, ойкнул и миг спустя выпрямился.

Виктор окаменел.

В кулаке у коротышки дергался, суча тонкими ручками и ножками, крошечный человек, размером чуть больше перочинного ножа. В нелепой коричневой шляпе с полями, красной рубашке и коричневых же штанах. Лицо у него было словно выгоревшее, все в струпьях и шрамах. А на правой руке – что-то вроде перчатки с пятью длинными (по его мерке, конечно) остриями, что-то вроде монтерских «кошек».

– Извини, – проямлил коротышка. Размахнулся и швырнул пищащее создание прямо в котел.

Всплеск, раскаленная жижа полетела прямо в лицо Виктору; вскинул руку, загораживаясь... и в тот же миг проснулся.

Тишина. Все спокойно. Он в комнате отеля, или постоялого двора, или гостиницы – тут и не поймешь, как чего называть. Еще темно, как ни странно. На соседней кровати еле слышно посапывает Тэль. Все в порядке. Все хорошо.

Только сердце бухает и ладони взмокли. Даже сейчас, вопреки обыкновению, сон не стал казаться нескладным. Нелепый, нереальный мир – но он до сих пор оставался столь же убедительным, как, например, эта гостиница.

Да, не помог Радин коктейль. Каких уж тут «Приятных снов!».

Попав из мира в мир, увидев существ, которым место в сказках, убив... после этого на иные сны трудно претендовать. Только на мордобой с тупым уродом, который варит в котле миниатюрного Фредди Крюгера...

Виктор повертелся немного в постели, стараясь найти позу понеудобнее. Не хотелось снова засыпать после такого кошмара.

Но сон все же пришел – видимо, он слишком устал. Не было в нем никаких сновидений, ни приятных, ни страшных.

И то хорошо.

До того, как соберется совет, оставалось совсем немного времени. Ритор сидел у себя, на третьем этаже школы, в скудно обставленной просторной комнате – узкая жесткая кровать в углу, умывальник, небольшой шкаф – вот и все «для жизни». Остальное пространство занимали книги на тянущихся вдоль стен и поднимающихся под самый потолок полках да громадный письменный стол.

Дверь только что закрылась за матерью Таниэля.

Ритор, с усилием нажимая, провел ладонью от лба вниз по лицу. Что он мог сказать этой несчастной? Что ответить на горячечный бред ее обвинений? Ровным счетом ничего.

И он не отвечал. Хорошо, что не пришел брат. Значит – не обвинял. Значит – простил. Или – боялся дать волю своему гневу? Лучше не думать...

Сейчас соберется совет. Проголосовать за войну. Выставить голову Торна насаженной на кол – для всеобщего обозрения. Стереть с лица земли саму память о клане Воды. Они сильны? Ничего, наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!

Переубедить их невозможно. Даже самых лучших. Значит, ищи способ повернуть их гнев. На Убийцу Дракона. А потом будем думать, как сделать войну «странной»... до того момента, как из душной, парящей мглы южного моря не вынырнет орлиноголовый флот Прирожденных.

Что ж, в таком деле маленькая ложь позволительна. «Мне надо сберечь клан Воды для отпора врагу, – думал Ритор. – Торн может... гм... внезапно исчезнуть. А потом уже придет время Дракона». Он невольно вздрогнул.

Невдалеке звякнул колокольчик. Очень тихо – но услужливый порыв ветерка позаботился донести звук. Ритор решительно поднялся.

Совет начинается.

Он вышел из комнаты, не позаботившись запереть дверь – никто не дерзнет проникнуть к нему. Двинулся по широкой галерее, соединяющей все помещения школы. Конечно, никаких занятий сегодня не предвиделось, но все же ученики не разошлись. Близко к главной зале, где состоится совет, они не подходили, не рискуя наткнуться на суровую отповедь, а то и оплеуху, нанесенную невидимой воздушной рукой – маги сейчас были скоры на расправу. И все же и во дворе болтались мальчишки, едва умеющие чувствовать воздух, вроде бы играя, но нет-нет да и поглядывающие на купол главной залы. А в комнатах для занятий с открытыми раз и навсегда окнами, просторных и пронизанных ветром, сидели ученики постарше... якобы погруженные в чтение книг. Ближе к зале Ритору попался один из самых талантливых выпускников школы, вотвот готовящийся пройти испытание и получить плащ Воздушного, с поразительным усердием оттирающий и без того чистый пол.

Аура у мальчика была почти непроницаема... но только не для Ритора. Несмотря на всю серьезность предстоящего, Маг улыбнулся.

Что ж, пусть. Так было и будет всегда – ученики, переоценивая свои силы, пытаются подглядеть и подслушать. И он был таким. Пусть. Если вдруг у паренька получится – значит, он настолько силен, что уже вправе знать решения магов.

– Странное дело, – добродушно бросил Ритор, – раньше я не видал с тряпкой в руках учеников старше десяти лет...

Юноша поднял на него наивные – чересчур наивные – глаза. Невинно заявил:

– Мне показалось, что нехорошо все время отряжать на уборку младших.

– Какая мудрая мысль, – кивнул Ритор. – Разрешаю тебе заниматься уборкой каждый день, до самого испытания.

Паренек тоскливо уставился на тряпку, а маг прошел дальше.

Защиту уже поставили, причем такую, что Ритор даже не стал ее усиливать. Круглый зал, где собралось почти три десятка человек, был окружен по самым стенам коконом ветров. Ничего лишнего – только легкие плетеные кресла да такой же плетеный стол в центре, с парой старых книг, на случай, если кому-то изменит память и придется рыться в древних наставлениях, в бесполезной, но чтимой мудрости столетий. Воздух в зале был неприятно сух, но, учитывая все обстоятельства, это было необходимо. Разумеется, не было никакого огня – да и какая нужда в нем, купол был раскрыт, и помещение заливал солнечный свет. Конечно же, чистота царил стерильная, ни одной пылинки, ни одной крошки земли на полу.

Секретность. Может быть, преувеличенная, а может быть, совершенно недостаточная. Но лучше, если она есть.

Все взгляды остановились на Риторе, и маг поднял руку, приветствуя товарищей. Предстояла схватка. Беззлобная схватка между друзьями, желающими одного, но расходящимися в тактике. Самая тяжелая схватка.

– Кто-нибудь считает меня трусом? – спросил Ритор. Дал тишине устояться и неторопливо прошел в центр залы. Окинул взглядом магов клана, в который раз прикидывая, кто согласится сразу, кого удастся переспорить, а кто будет стоять на своем до конца. – Тогда я скажу то, что не всем понравится. Врага можно победить по-разному. Можно убить его. Если хватит сил...

Легкий, недовольный шум. Но возражений не было – среди сидящих здесь не водилось дураков и безумцев.

– А можно понять замыслы врага – и убить их.

– Уверен ли ты, что понял? – раздался тихий голос, при звуке которого Ритор вздрогнул. Кан-неудачник, так и не ставший хорошим магом, но прославившийся как лучший травник Воздушных, смотрел ему в глаза.

– Да, брат, – тихо сказал Ритор. – Да.

– Значит, мой сын не останется неотмщенным?

Ритор лишь кивнул.

У него не хватило духу пообещать это вслух – ибо он не знал, станут ли его слова правдой.

Виктор открыл глаза, когда утреннюю тишину разорвал чей-то гневный вопль. Шумели во дворе.

– Чтоб у тебя отсохли руки! Да ударит тебя током! Пусть сумасшедший маг превратит тебя в вонючую жабу!

Затейливость проклятий лишила Виктора возможности хоть на пару минут, хоть со сна, не раскрывая глаз, ощутить себя дома. Нет. Он по-прежнему тут, в сумасшедшем Срединном Море, где бродят в ночи неупокоившиеся за столетия мертвецы, улицы освещены электричеством, а эльфы выполняют функцию охранников при гостинице. В мире, где даже сны стали не то волшебной сказкой, не то реальным кошмаром...

Комната была уютной, но небольшой. Вряд ли это лучший номер гостиницы, как клялся вчера рыжий паренек. Виктор глянул на кровать у другой стены – там никого не было. Покрывало аккуратно заправлено, за дверью ванной – тишина. Тому, что Тэль куда-то отошла, Виктор был даже рад. Встал, прежде чем одеться, выглянул в окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.